

Ревизор

Николай Васильевич Гоголь · 1836

Глава 1

Я пригласил вас, господа, с тем, чтобы сообщить вам пренеприятное известие: к нам едет ревизор.

Как ревизор?

Как ревизор?

Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

Вот те на!

Вот не было заботы, так подай!

Господи боже! еще и с секретным предписанием!

Я как будто предчувствовал: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал:

черные, неестественной величины! пришли, понюхали — и пошли прочь. Вот я вам прочту письмо, которое получил я от Андрея Ивановича Чмыхова, которого вы, Артемий Филиппович, знаете. Вот что он пишет: «Любезный друг, кум и благодетель ... и уведомить тебя». А! Вот: «Спешу, между прочим, уведомить тебя, что приехал чиновник с предписанием осмотреть всю губернию и особенно наш уезд . Я узнал это от самых достоверных людей, хотя он представляет себя частным лицом. Так как я знаю, что за тобою, как за всяким, водятся грешки, потому что ты человек умный и не любишь пропускать того, что плывет в руки...» , ну, здесь свои... «то советую тебе взять предосторожность, ибо он может приехать во всякий час, если только уже не приехал и не живет где-нибудь инкогнито... Вчерашнего дня я...» Ну, тут уж пошли дела семейные: «...сестра Анна Кирилловна приехала к нам со своим мужем; Иван Кириллович очень потолстел и все играет на скрипке...» — и прочее, и прочее. Так вот какое обстоятельство!

Да, обстоятельство такое... необыкновенно, просто необыкновенно. Что-нибудь недаром.

Зачем же, Антон Антонович, отчего это? Зачем к нам ревизор?

Зачем! Так уж, видно, судьба! До сих пор, благодарение Богу, подбирались к другим городам; теперь пришла очередь к нашему.

Я думаю, Антон Антонович, что здесь тонкая и больше политическая причина. Это значит вот что: Россия... да... хочет вести войну, и министерия-то, вот видите, и подослала чиновника, чтобы узнать, нет ли где измены.

Эк куда хватили! Еще умный человек! В уездном городе измена! Что он, пограничный, что ли? Да отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь.

Нет, я вам скажу, вы не того... вы не... Начальство имеет тонкие виды: даром что далеко, а оно себе мотает на ус.

Мотает или не мотает, а я вас, господа, предупредомил. Смотрите, по своей части я кое-

какие распоряженья сделал, советую и вам. Особенно вам, Артемий Филиппович! Без сомнения, проезжающий чиновник захочет прежде всего осмотреть подведомственные вам богоугодные заведения — и потому вы сделайте так, чтобы все было прилично: колпаки были бы чистые, и больные не походили бы на кузнецов, как обыкновенно они ходят по-домашнему.

Ну, это еще ничего. Колпаки, пожалуй, можно надеть и чистые.

Да, и тоже над каждой кроватью надписать по латыни или на другом языке... Это уже по вашей части, Христиан Иванович, — всякую болезнь: когда кто заболел, которого дня и числа... Нехорошо, что у вас больные такой крепкий табак курят, что всегда расчихаешься, когда войдешь. Да и лучше, если б их было меньше: тотчас отнесут к дурному смотрению или неискусству врача.

О! насчет врачеванья мы с Христианом Ивановичем взяли свои меры: чем ближе к натуре, тем лучше, — лекарств дорогих мы не

употребляем. Человек простой: если умрет, то и так умрет; если выздоровеет, то и так выздоровеет. Да и Христиану Ивановичу затруднительно было б с ними изъясняться: он по-русски ни слова не знает.

Вам тоже посоветовал бы, Аммос Федорович, обратить внимание на присутственные места. У вас там в передней, куда обыкновенно являются просители, сторожа завели домашних гусей с маленькими гусенками, которые так и шныряют под ногами. Оно, конечно, домашним хозяйством заводить всякому похвально, и почему ж сторожу и не завести его? только, знаете, в таком месте неприлично... Я и прежде хотел вам это заметить, но все как-то позабывал.

А вот я их сегодня же велю всех забрать на кухню. Хотите, приходите обедать.

Кроме того, дурно, что у вас высушивается в самом присутствии всякая дрянь и над самым шкапом с бумагами охотничий арапник. Я знаю, вы любите охоту, но все на время лучше его принять, а там, как проедет ревизор, пожалуй,

опять его можете повесить. Также заседатель ваш... он, конечно, человек сведущий, но от него такой запах, как будто бы он сейчас вышел из винокуренного завода, — это тоже нехорошо. Я хотел давно об этом сказать вам, но был, не помню, чем-то развлечен. Есть против этого средства, если уже это действительно, как он говорит, у него природный запах: можно посоветовать ему есть лук, или чеснок, или что-нибудь другое. В этом случае может помочь разными медикаментами Христиан Иванович.

Нет, этого уже невозможно выгнать: он говорит, что в детстве мамка его ушибла, и с тех пор от него отдает немного водкою.

Да я только так заметил вам. Насчет же внутреннего распорядка и того, что называет в письме Андрей Иванович грешками, я ничего не могу сказать. Да и странно говорить: нет человека, который бы за собою не имел каких-нибудь грехов. Это уже так самим Богом устроено, и волтерьянцы напрасно против этого говорят.

Что ж вы полагаете, Антон Антонович, грешками? Грешки грешкам — рознь. Я говорю всем открыто, что беру взятки, но чем взятки? Борзыми щенками. Это совсем иное дело.

Ну, щенками, или чем другим — все взятки.

Ну нет, Антон Антонович. А вот, например, если у кого-нибудь шуба стоит пятьсот рублей, да супруге шаль...

Ну, а что из того, что вы берете взятки борзыми щенками? Зато вы в Бога не веруете; вы в церковь никогда не ходите; а я, по крайней мере, в вере тверд и каждое воскресенье бываю в церкви. А вы... О, я знаю вас: вы если начнете говорить о сотворении мира, просто волосы дыбом поднимаются.

Да ведь сам собою дошел, собственным умом.

Ну, в ином случае много ума хуже, чем бы его совсем не было. Впрочем, я так только упомянул о уездном суде; а по правде сказать, вряд ли кто когда-нибудь заглянет туда; это уж такое завидное место, сам Бог ему покровительствует. А вот вам,

Лука Лукич, как смотрителю учебных заведений, нужно позаботиться особенно насчет учителей. Они люди, конечно, ученые и воспитывались в разных коллегиях, но имеют очень странные поступки, натурально неразлучные с ученым званием. Один из них, например, вот этот, что имеет толстое лицо... Не вспомню его фамилию, никак не может обойтись без того, чтобы взошедши на кафедру, не сделать гримасу, вот этак , и потом начнет рукою из-под галстука утюжить свою бороду. Конечно, если ученику сделает такую рожу, то оно еще ничего: может быть, оно там и нужно так, об этом я не могу судить; но вы посудите сами, если он сделает это посетителю, — это может быть очень худо: господин ревизор или другой кто может принять это на свой счет. Из этого черт знает что может произойти.

Что ж мне, право, с ним делать? Я уж несколько раз ему говорил. Вот еще на днях, когда зашел было в класс наш предводитель, он скроил такую рожу, какой я никогда еще не видывал. Он-то ее сделал от доброго сердца, а

мне выговор: зачем вольнодумные мысли внушаются юношеству.

То же я должен вам заметить и об учителе по исторической части. Он ученая голова — это видно, и сведений нахватал тьму, но только объясняет с таким жаром, что не помнит себя. Я раз слушал его: ну покамест говорил об ассириянах и вавилонянах — еще ничего, а как добрался до Александра Македонского, то я не могу вам сказать, что с ним сделалось. Я думал, что пожар, ей-богу! Сбежал с кафедры и что есть силы хватать стулом об пол. Оно конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать? от этого убыток казне.

Да, он горяч! Я ему это несколько раз уже замечал... Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу».

Да, таков уже неизъяснимый закон судеб: умный человек либо пьяница, или рожу такую соорудит, что хоть святых выноси.

Не приведи господь служить по ученой части! Всего боишься: всякий мешается, всякому

хочется показать, что он тоже умный человек.

Это бы еще ничего, — инкогнито проклятое! Вдруг заглянет: «А, вы здесь, голубчики! А кто, скажет, здесь судья?» — «Ляпкин-Тяпкин». — «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! А кто попечитель богоугодных заведений?» — «Земляника». «А подать сюда Землянику!» Вот что худо!

Объясните, господа, что, какой чиновник едет?

А вы разве не слышали?

Слышал от Петра Ивановича Бобчинского. Он только что был у меня в почтовой конторе.

Ну, что? Как вы думаете об этом?

А что думаю? война с турками будет.

В одно слово! я сам то же думал.

Да, оба пальцем в небо попали!

Право, война с турками. Это все француз гадит.

Какая война с турками! Просто нам плохо будет, а не туркам. Это уже известно: у меня

ПИСЬМО.

А если так, то не будет войны с турками.

Ну что же вы, как вы, Иван Кузьмич?

Да что я? Как вы, Антон Антонович?

Да что я? Страху-то нет, а так, немножко... Купечество да гражданство меня смущает. Говорят, что я им солоно пришелся, а я, вот ей-богу, если и взял с иного, то, право, без всякой ненависти. Я даже думаю, я даже думаю, не было ли на меня какого-нибудь доноса. Зачем же в самом деле к нам ревизор? Послушайте, Иван Кузьмич, нельзя ли вам, для общей нашей пользы, всякое письмо, которое прибывает к вам в почтовую контору, входящее и исходящее, знаете, этак немножко распечатать и прочитать: не содержится ли в нем какого-нибудь донесения или просто переписки. Если же нет, то можно опять запечатать; впрочем, можно даже и так отдать письмо, распечатанное.

Знаю, знаю... Этому не учите, это я делаю не то чтоб из предосторожности, а больше из

любопытства: смерть люблю узнать, что есть нового на свете. Я вам скажу, что это преинтересное чтение. Иное письмо с наслаждением прочтешь — так описываются разные пассажи... а назидательность какая... лучше, чем в «Московских ведомостях»!

Ну что ж, скажите, ничего не начитывали о каком-нибудь чиновнике из Петербурга?

Нет, о петербургском ничего нет, а о костромских и саратовских много говорится. Жаль, однако ж, что вы не читаете писем: есть прекрасные места. Вот недавно один поручик пишет к приятелю и описал бал в самом игривом... очень, очень хорошо: «Жизнь моя, милый друг, течет, говорит в эмпиреях: барышень много, музыка играет, штандарт скачет...» — с большим, с большим чувством описал. Я нарочно оставил его у себя. Хотите, прочту?

Ну, теперь не до того. Так сделайте милость, Иван Кузьмич: если на случай попадется жалоба или донесение, то без всяких рассуждений задерживайте.

С большим удовольствием.

Смотрите, достанется вам когда-нибудь за это.

Ах, батюшки!

Ничего, ничего. Другое дело, если бы вы из этого публичное что-нибудь сделали, но ведь это дело семейственное.

Да, нехорошее дело заварилось! А я, признаюсь, шел было к вам, Антон Антонович, с тем чтобы попотчевать вас собачонкою. Родная сестра тому кобелю, которого вы знаете. Ведь вы слышали, что Чептович с Варховинским затеяли тяжбу, и теперь мне роскошь: травлю зайцев на землях и у того и другого.

Батюшки, не милы мне теперь ваши зайцы: у меня инкогнито проклятое сидит в голове. Так и ждешь, что вот отворится дверь и — шашть...

Чрезвычайное происшествие!

Неожиданное известие!

Что, что такое?

Непредвиденное дело: приходим в гостиницу...

Приходим с Петром Ивановичем в гостиницу...

Э, позвольте, Петр Иванович, я расскажу.

Э, нет, позвольте уж я... позвольте, позвольте... вы уж и слога такого не имеете...

А вы собьетесь и не припомните всего.

Припомню, ей-богу, припомню. Уж не мешайте, пусть я расскажу, не мешайте! Скажите, господа, сделайте милость, чтоб Петр Иванович не мешал.

Да говорите, ради бога, что такое? У меня сердце не на месте. Садитесь, господа! Возьмите стулья! Петр Иванович, вот вам стул.

Ну, что, что такое?

Позвольте, позвольте: я все по порядку. Как только имел удовольствие выйти от вас после того, как вы изволили смутиться полученным письмом, да-с, — так я тогда же забежал... уж,

пожалуйста, не перебивайте, Петр Иванович! Уж все, все, все знаю-с. Так я, изволите видеть, забежал к Коробкину. А не заставши Коробкина-то дома, заворотил к Растаковскому, а не заставши Растаковского, зашел вот к Ивану Кузьмичу, чтобы сообщить ему полученную вами новость, да, идучи оттуда, встретился с Петром Ивановичем...

Возле будки, где продаются пироги.

Возле будки, где продаются пироги. Да, встретившись с Петром Ивановичем, и говорю ему: «Слышали ли вы о новости-та, которую получил Антон Антонович из достоверного письма?» А Петр Иванович уж услышали об этом от ключницы вашей Авдотьи, которая, не знаю, за чем-то была послана к Филиппу Антоновичу Почечуеву.

За бочонком для французской водки.

За бочонком для французской водки. Вот мы пошли с Петром-то Ивановичем к Почечуеву... Уж вы, Петр Иванович... энтото... не перебивайте, пожалуйста, не перебивайте!..

Пошли к Почечуеву, да на дороге Петр Иванович говорит: «Зайдем, говорит, в трактир. В Желудке-то у меня... с утра я ничего не ел, так желудочное трясение...» — да-с, в желудке-то у Петра Ивановича... «А в трактир, говорит, привезли теперь свежей семги, так мы закусим». Только что мы в гостиницу, как вдруг молодой человек...

Недурной наружности, в партикулярном платье...

Недурной наружности, в партикулярном платье, ходит этак по комнате, и в лице этакое рассуждение... физиономия... поступки, и здесь много, много всего. Я будто предчувствовал и говорю Петру Ивановичу: «Здесь что-нибудь неспроста-с». Да. А Петр-то Иванович уж мигнул пальцем и подозвали трактирщика-с, трактирщика Власа: у него жена три недели назад тому родила, и такой пребойкий мальчик, будет так же, как и отец, содержать трактир. Подозвавши Власа, Петр Иванович и спроси его потихоньку: «Кто, говорит, этот молодой человек?» — а Влас и отвечает на это: «Это», —

говорит... Э, не перебивайте, Петр Иванович, пожалуйста, не перебивайте; вы не расскажете, ей-богу не расскажете: вы пришепетываете; у вас, я знаю, один зуб во рту со свистом... «Это, говорит, молодой человек, чиновник, — да-с, — едущий из Петербурга, а по фамилии, говорит, Иван Александрович Хлестаков-с, а едет, говорит, в Саратовскую губернию и, говорит, престранно себя аттестует: другую уж неделю живет, из трактира не едет, забирает все на счет и не копейки не хочет платить». Как сказал он мне это, а меня так вот свыше и вразумило. «Э!» — говорю я Петру Ивановичу...

Нет, Петр Иванович, это я сказал: «э!»

Сначала вы сказали, а потом и я сказал. «Э! — сказали мы с Петром Ивановичем. — А с какой стати сидеть ему здесь, когда дорога ему лежит в Саратовскую губернию?» Да-с. А вот он-то и есть этот чиновник.

Кто, какой чиновник?

Чиновник-та, о котором изволили получили нотицию, — ревизор.

Что вы, господь с вами! это не он.

Он! и денег не платит и не едет. Кому же б быть, как не ему? И подорожная прописана в Саратов.

Он, он, ей-богу он... Такой наблюдательный: все обсмотрел. Увидел, что мы с Петром-то Ивановичем ели семгу, — больше потому, что Петр Иванович насчет своего желудка... да, так он и в тарелки к нам заглянул. Меня так и проняло страхом.

Господи, помилуй нас, грешных! Где же он там живет?

В пятом номере, под лестницей.

В том самом номере, где прошлого года подрались приезжие офицеры.

И давно он здесь?

А недели две уж. Приехал на Василья Египтянина.

Две недели! Батюшки, сватушки! Выносите, святые угодники! В эти две недели высечена

унтер-офицерская жена! Арестантам не выдавали провизии! На улицах кабак, нечистота! Позор! Поношение!

Что ж, Антон Антонович? — ехать парадом в гостиницу.

Нет, нет! Вперед пустить голову, духовенство, купечество; вот и в книге «Деяния Иоанна Масона»...

Нет, нет; позвольте уж мне самому. Бывали трудные случаи в жизни, сходили, еще даже и спасибо получал. Авось Бог вынесет и теперь. Вы говорите, он молодой человек?

Молодой, лет двадцати трех или четырех с небольшим.

Тем лучше: молодого скорее пронюхает. Беда, если старый черт, а молодой весь наверху. Вы, господа, приготовляйтесь по своей части, а я отправлюсь сам или вот хоть с Петром Ивановичем, приватно, для прогулки, наведаться, не терпят ли проезжающие неприятностей. Эй, Свистунов!

Что угодно?

Ступай сейчас за частным приставом; или нет, ты мне нужен. Скажи там кому-нибудь, чтобы как можно поскорее ко мне частного пристава, и приходи сюда.

Идем, идем, Аммос Федорович! В самом деле может случиться беда.

Да вам чего бояться? Колпаки чистые надел на больных, да и концы в воду.

Какое колпаки! Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос.

А я на этот счет покоен. В самом деле, кто зайдет в уездный суд? А если и заглянет в какую-нибудь бумагу, так он жизни не будет рад. Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку — а! только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда.

Что, дрожжи там стоят?

Стоят.

Ступай на улицу... или нет, стой! Ступай принеси... Да другие-то где? неужели ты только один? Ведь я приказывал, чтобы и Прохоров был здесь. Где Прохоров?

Прохоров в частном доме, да только к делу не может быть употреблен.

Как так?

Да так: привезли его поутру мертвецки. Вот уже два ушата воды вылили, до сих пор не протрезвился.

Ах, боже мой, боже мой! Ступай скорее на улицу, или нет — беги прежде в комнату, слышь! и принеси оттуда шпагу и новую шляпу. Ну, Петр Иванович, поедem!

И я, и я... позвольте и мне, Антон Антонович!

Нет, нет, Петр Иванович, нельзя, нельзя! Неловко, да и на дрожках не поместимся.

Ничего, ничего, я так: петушком, петушком побегу за дрожками. Мне бы только немножко в щелочку-та, в дверь этак посмотреть, как у него эти поступки...

Беги сейчас возьми десятских, да пусть каждый из них возьмет... Эх шпага как исцарапалась! Проклятый купчишка Абдулин — видит, что у городничего старая шпага, не прислал новой. О, лукавый народ! А так, мошенники, я думаю, там уж просьбы из-под полы и готовят. Пусть каждый возьмет в руки по улице... черт возьми, по улице — по метле! и вымели бы всю улицу, что идет к трактиру, и вымели бы чисто... Слышишь! Да смотри: ты! ты! я знаю тебя: ты там кумаешься да крадешь в ботфорты серебряные ложечки, — смотри, у меня ухо остро!.. Что ты сделал с купцом Черняевым — а? Он тебе на мундир дал два аршина сукна, а ты стянул всю штуку. Смотри! не по чину берешь! Ступай!

А, Степан Ильич! Скажите, ради бога: куда вы запропастились? На что это похоже?

Я был тут сейчас за воротами.

Ну, слушайте же, Степан Ильич. Чиновник-то из Петербурга приехал. Как вы там распорядились?

Да так, как вы приказывали. Квартального Пуговицына я послал с десятскими подчищать тротуар.

А Держиморда где?

Держиморда поехал на пожарной трубе.

А Прохоров пьян?

Пьян.

Как же вы это допустили?

Да Бог его знает. Вчерашнего дня случилась за городом драка, — поехал туда для порядка, а возвратился пьян.

Послушайте ж, вы сделайте вот что: квартальный Пуговицын... он высокого роста, так пусть стоит для благоустройства на мосту. Да разметать наскоро старый забор, что возле сапожника, и поставить соломенную вежу, чтоб было похоже на планирование. Оно чем больше ломки, тем больше означает деятельности градоправителя. Ах, боже мой! я и позабыл, что возле того забора навалено на сорок телег всякого сору. Что это за скверный город! только где-

нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает откуда и нанесут всякой дряни! Да если приезжий чиновник будет спрашивать службу: довольны ли? — чтобы говорили: «Всем довольны, ваше благородие»; а который будет недоволен, то ему после дам такого неудовольствия... О, ох, хо, хо, х! грешен, во многом грешен. Дай только, боже, чтобы сошло с рук поскорее, а там-то я поставлю уж такую свечу, какой еще никто не ставил: на каждую бестию купца наложу доставить по три пуда воску. О боже мой, боже мой! Едем, Петр Иванович!

Антон Антонович, это коробка, а не шляпа.

Коробка так коробка. Черт с ней! Да если спросят, отчего не выстроена церковь при богоугодном заведении, на которую год назад была ассигнована сумма, то не позабыть сказать, что начала строиться, но сгорела. Я об этом и рапорт представлял. А то, пожалуй, кто-нибудь, позабывшись, сдуру скажет, что она и не начиналась. Да сказать Держиморде, чтобы не

слишком давал воли кулакам своим; он, для порядка, всем ставит фонари под глазами — и правому, и виноватому. Едем, едем, Петр Иванович! Да не выпускать солдат на улицу безо всего: эта дрянная гарнiza наденет только сверх рубашки мундир, а внизу ничего нет.

Где ж, где ж они? Ах, боже мой!.. Муж! Антоша! Антон! А все ты, а все за тобой. И пошла копать: «Я булабочку, я косынку». Антон, куда, куда? Что, приехал? Ревизор? С усами! С какими усами?

После, после, матушка!

После? Вот новости — после! Я не хочу после... Мне только одно слово: что он, полковник? А? Уехал! Я тебе вспомню это! А все эта: «Маменька, маменька, погодите, зашпилю сзади косынку; я сейчас». Вот тебе и сейчас! Вот тебе ничего и не узнали! А все проклятое кокетство; слышала, что почтмейстер здесь, и давай пред зеркалом жеманиться: и с той стороны, и с этой стороны подойдет. Воображает,

что он за ней волочится, а он просто тебе делает гримасу, когда ты отвернешься.

Да что ж делать, маменька? Все равно чрез два часа мы все узнаем.

Чрез два часа! покорнейше благодарю. Вот одолжила ответом! Как ты не догадалась сказать, что чрез месяц еще лучше можно узнать! Эй, Авдотья! А? Что, Авдотья, ты слышала, там приехал кто-то?.. Не слышала? Глупая какая! Машет руками? Пусть машет, а ты бы все-таки его расспросила. Не могла этого узнать! В голове чепуха, все женихи сидят. А? Скоро уехали! да ты бы побежала за дрожками. Ступай, ступай сейчас! Слышишь, побегу расспроси, куда поехали; да расспроси хорошенько, что за приезжий, каков он, — слышишь? Подсмотри в щелку и узнай все, и глаза какие: черные или нет, и сию же минуту возвращайся назад, слышишь? Скорее, скорее, скорее, скорее!

Глава 2

Черт побери, есть так хочется и в животе трескотня такая, как будто бы целый полк затрубил в трубы. Вот не доедем, да и только, домой! Что ты прикажешь делать? Второй месяц пошел, как уже из Питера! Профинтил дорогой денежки, голубчик, теперь сидит и хвост подвернул и не горячится. А стало бы, и очень бы стало на прогоны; нет, вишь ты, нужно в каждом городе показать себя! «Эй, Осип, ступай посмотри комнату, лучшую, да обед спроси самый лучший: я не могу есть дурного обеда, мне нужен лучший обед». Добро бы было в самом деле что-нибудь путное, а то ведь елистратишка простой! С проезжающим знакомится, а потом в картишки — вот тебе и доигрался! Эх, надоела такая жизнь! Право, на деревне лучше: оно хоть нет публичности, да и заботности меньше; возьмешь себе бабу, да и лежи весь век на полатах да ешь пироги. Ну, кто ж спорит: конечно, если пойдет на правду, так житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а

жизнь тонкая и политичная: кеатры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь. Разговаривает все на тонкой деликатности, что разве только дворянству уступит; пойдешь на Щукин — купцы тебе кричат: «Почтенный!»; на перевозе в лодке с чиновником сядешь; компании захотел — ступай в лавочку: там тебе кавалер расскажет про лагеря и объявит, что всякая звезда значит на небе, так вот как на ладони все видишь. Старуха офицерша забредет; горничная иной раз заглянет такая... фу, фу, фу! Галантерейное, черт возьми, обхождение! Невежливое слова никогда не услышишь, всякой говорит тебе «вы». Наскучило идти — берешь себе извозчика и сидишь себе как барин, а не захочешь заплатить ему — изволь: у каждого дома есть сквозные ворота, и ты так шмыгнешь, что тебя никакой дьявол не сыщет. Одно плохо: иной раз славно наешься, а в другой чуть не лопнешь с голоду, как теперь, например. А все он виноват. Что с ним сделаешь? Батюшка пришлет денежки, чем бы их попридержать — и куды!.. пошел кутить: ездит на извозчике, каждый день ты доставай в кеатр билет, а там через

неделю, глядь — и посылает на толкучий продавать новый фрак. Иной раз все до последней рубашки спустит, так что на нем всего останется сертучишка да шинелишка... Ей-богу, правда! И сукно такое важное, аглицкое! Рублев полтораستا ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего — нипочем идут. А отчего? — оттого, что делом не занимается: вместо того чтобы в должность, а он идет гулять по прешпекту, в картишки играет. Эх, если б узнал это старый барин! Он не посмотрел бы на то, что ты чиновник, а, поднявши рубашонку, таких бы засыпал тебе, что б дня четыре ты почесывался. Коли служить, так служи. Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее; ну, а коли не заплатим? Ах, боже ты мой, хоть бы какие-нибудь щи! Кажись, так бы теперь весь свет съел. Стучится; верно, это он идет.

На, прими это. А, опять валялся на кровати?

Да зачем же бы мне валяться? Не видал я разве кровати, что ли?

Врешь, валялся; видишь, вся склочена.

Да на что мне она? Не знаю я разве, что такое кровать? У меня есть ноги; я и постою. Зачем мне ваша кровать?

Посмотри, там в картузе табаку нет?

Да где ж ему быть, табаку? Вы четвертого дня последнее выкурили.

Послушай... эй, Осип!

Чего изволите?

Ты ступай туда.

Куда?

Вниз, в буфет... Там скажи... чтобы мне дали пообедать.

Да нет, я и ходить не хочу.

Как ты смеешь, дурак!

Да так; все равно, хоть и пойду, ничего из этого не будет. Хозяин сказал, что больше не даст

обедать.

Как он смеет не дать? Вот еще вздор!

«Еще, говорит, и к городничему пойду; третью неделю барин денег не платит. Вы-де с барином, говорит, мошенники, и барин твой — плут. Мы-де, говорят, таких шерамыжников и подлецов видали».

А ты уж и рад, скотина, сейчас пересказывать мне все это.

Говорит: «Этак всякий придет, обживется, задолжается, после и выгнать нельзя. Я, говорит, шутить не буду, я прямо с жалобой, чтоб на съезжую да в тюрьму».

Ну, ну, дурак, полно! Ступай, ступай скажи ему. Такое грубое животное!

Да лучше я самого хозяина позову к вам.

На что ж хозяина? Ты поди сам скажи.

Да, право, сударь...

Ну, ступай, черт с тобой! позови хозяина.

Ужасно как хочется есть! Так немножко прошелся, думал, не пройдет ли аппетит, — нет, черт возьми, не проходит. Да, если б в Пензе я не покутил, стало бы денег доехать домой. Пехотный капитан сильно поддел меня: штосы удивительно, бестия, срезывает. Всего каких-нибудь четверть часа посидел — и все обобрал. А при всем том страх хотелось бы с ним еще раз сразиться. Случай только не привел. Какой скверный городишко! В овошенных лавках ничего не дают в долг. Это уж просто подло. Никто не хочет идти.

Хозяин приказал спросить, что вам угодно?

Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?

Слава богу.

Ну, что, как у вас в гостинице? хорошо ли все идет?

Да, слава богу, все хорошо.

Много проезжающих?

Да, достаточно.

Послушай, любезный, там мне до сих пор обеда не приносят, так, пожалуйста, поторопи, чтоб поскорее, — видишь мне сейчас после обеда нужно кое-чем заняться.

Да хозяин сказал, что не будет больше отпускать. Он, никак, хотел идти сегодня жаловаться городничему.

Да что ж жаловаться? Посуди сам, любезный, как же? ведь мне нужно есть. Этак я могу совсем отощать. Мне очень есть хочется; я не шутя это говорю.

Так-с. Он говорил: «Я ему обедать не дам, покамест он не заплатит мне за прежнее». Таков уж ответ его был.

Да ты урезонь, уговори его.

Да что ж ему такое говорить?

Ты растолкуй ему сурьезно, что мне нужно есть. Деньги сами собою... Он, думает, что, как ему, мужику, ничего, если не поесть день, так и другим тоже. Вот новости!

Пожалуй, я скажу.

Это скверно, однако ж, если он совсем ничего не даст есть. Так хочется, как еще никогда не хотелось. Разве из платья что-нибудь пустить в оборот? Штаны, что ли, продать? Нет, уж лучше поголодать, да приехать домой в петербургском костюме. Жаль, что Иохим не дал напрокат кареты, а хорошо бы, черт побери, приехать домой в карете, подкатить этаким чертом к какому-нибудь соседу-помещику под крыльцо, с фонарями, а Осипа сзади, одеть в ливрею. Как бы, я воображаю, все переполошились: «Кто такой, что такое?» А лакей входит : «Иван Александрович Хлестаков из Петербурга, прикажете принять?» Они, пентюхи, и не знают, что такое значит «прикажете принять». К ним если приедет какой-нибудь гусь помещик, так и валит, медведь, прямо в гостиную. К дочечке какой-нибудь хорошенькой подойдешь: «Сударыня, как я ...» Тьфу! даже тошнит, так есть хочется.

А что?

Несут обед.

Несут! несут! несут!

Хозяин в последний раз уж дает.

Ну, хозяин, хозяин... Я плевать на твоего
хозяина! Что там такое?

Суп и жаркое.

Как, только два блюда?

Только-с.

Вот вздор какой! я этого не принимаю. Ты
скажи ему: что это, в самом деле, такое!.. Этого
мало.

Нет, хозяин говорит, что еще много.

А соуса почем нет?

Соуса нет.

Отчего же нет? Я видел сам, проходя мимо
кухни, там много готовилось. И в столовой
сегодня поутру два каких-то коротеньких
человека ели семгу и еще много кой-чего.

Да оно-то есть, пожалуй, да нет.

Как нет?

Да уж нет.

А семга, а рыба, а котлеты?

Да это для тех, которые почище-с.

Ах ты, дурак!

Да-с.

Поросенок ты скверный... Как же они едят, а я не ем? Отчего же я, черт возьми, не могу так же? Разве они не такие же проезжающие, как и я?

Да уж известно, что не такие.

Какие же?

Обнакновенно какие! они уж известно: они деньги платят.

Я с тобою, дурак, не хочу рассуждать. Что это за суп? Ты просто воды налил в чашку: никакого вкуса нет, только воняет. Я не хочу этого супу, дай мне другого.

Мы примем-с. Хозяин сказал: коли не хотите, то и не нужно.

Ну, ну, ну... оставь, дурак! Ты привык там обращаться с другими: я, брат, не такого рода! со мной не советую... Боже мой, какой суп! Я думаю, еще ни один человек в мире не едал такого супу: какие-то перья плавают вместо масла. Ай, ай, ай, какая курица! Дай жаркое! Там супу немного осталось, Осип, возьми себе. Что это за жаркое? Это не жаркое.

Да что ж такое?

Черт его знает, что это такое, только не жаркое. Это топор, зажаренный вместо говядины. Мошенники, каналы, чем они кормят! И челюсти заболят, если съешь один такой кусок. Подлецы! Совершенно как деревянная кора, ничем вытащить нельзя; и зубы почернеют после этих блюд. Мошенники! Больше ничего нет?

Нет.

Каналы! подлецы! и даже хотя бы какой-нибудь соус или пирожное. Бездельники! дерут только с проезжающих.

Право, как будто бы и не ел; только что разохотился. Если бы мелочь, послать бы на рынок и купить хоть бы сайку.

Там зачем-то городничий приехал, осведомляется и спрашивает о вас.

Вот тебе на! Экая бестия трактирщик, успел уже пожаловаться! Что, если он в самом деле потащит меня в тюрьму? Что ж если благородным образом, я, пожалуй... нет, нет, не хочу! Там в городе таскаются офицеры и народ, а я, как нарочно, задал тону и перемигнулся с одной купеческой дочкой... Нет, не хочу... Да что он, как он смеет в самом деле? Что я ему, разве купец или ремесленник? Да я ему прямо скажу: «Как вы смеете, как вы...»

Желаю здравствовать!

Мое почтение...

Извините.

Ничего...

Обязанность моя, как градоначальника здешнего города, заботиться о том, чтобы

проезжающим и всем благородным людям никаких притеснений...

Да что ж делать? Я не виноват... Я, право, заплачу... Мне пришлют из деревни.

Он больше виноват: говядину мне подает такую твердую, как бревно; а суп — он черт знает чего плеснул туда, я должен был выбросить его за окно. Он меня морит голодом по целым дням... Чай такой странный, воняет рыбой, а не чаем. За что ж я... Вот новость!

Извините, я, право, не виноват. На рынке у меня говядина всегда хорошая. Привозят холмогорские купцы, люди трезвые и поведения хорошего. Я уж не знаю, откуда он берет такую. А если что не так, то... Позвольте мне предложить вам переехать со мною на другую квартиру.

Нет, не хочу! Я знаю, что значит на другую квартиру: то есть в тюрьму. Да какое вы имеете право? Да как вы смеете?.. Да вот я... Я служу в Петербурге. Я, я, я...

О господи ты боже, какой сердитый! Все узнал, все рассказали проклятые купцы!

Да вот вы хоть тут со всей своей командой — не пойду! Я прямо к министру! Что вы? Что вы?

Помилуйте, не погубите! Жена, дети маленькие... не сделайте несчастным человека.

Нет, я не хочу! Вот еще? мне какое дело? Оттого, что у вас жена и дети, я должен идти в тюрьму, вот прекрасно!

Нет, благодарю покорно, не хочу.

По неопытности, ей-богу по неопытности. Недостаточность состояния... Сами извольте посудить: казенного жалованья не хватает даже на чай и сахар. Если ж и были какие взятки, то самая малость: к столу что-нибудь да на пару платья. Что же до унтер-офицерской вдовы, занимающейся купечеством, которую я будто бы высек, то это клевета, ей-богу клевета. Это выдумали злодеи мои; это такой народ, что на жизнь мою готовы покуситься.

Да что? мне нет никакого дела до них. Я не знаю, однако ж, зачем вы говорите о злодеях или о какой-то унтер-офицерской вдове... Унтер-офицерская жена совсем другое, а меня вы не смеете высечь, до этого вам далеко... Вот еще! смотри ты какой!.. Я заплачу, заплачу деньги, но у меня теперь нет. Я потому и сижу здесь, что у меня нет ни копейки.

О, тонкая штука! Эк куда метнул! какого туману напустил! разбери кто хочет! Не знаешь, с какой стороны и приняться. Ну да уж попробовать не куды пошло! Что будет, то будет, попробовать на авось. Если вы точно имеете нужду в деньгах или в чем другом, то я готов служить сию минуту. Моя обязанность помогать проезжающим.

Дайте, дайте мне взаймы! Я сейчас же расплачусь с трактирщиком. Мне бы только рублей двести или хоть даже и меньше.

Ровно двести рублей, хоть и не трудитесь считать.

Покорнейше благодарю. Я вам тотчас пришлю их из деревни... у меня это вдруг... Я вижу, вы благородный человек. Теперь другое дело.

Ну, слава богу! деньги взял. Дело, кажется, пойдет теперь на лад. Я таки ему вместо двухсот четырехста вернул.

Эй, Осип!

Позови сюда трактирного слугу! А что же вы стоите? Сделайте милость, садитесь. Садитесь, прошу покорнейше.

Ничего, мы и так постоим.

Сделайте милость, садитесь. Я теперь вижу совершенно откровенность вашего нрава и радушие, а то, признаюсь, я уж думал, что вы пришли с тем, чтобы меня... Садитесь.

Нужно быть посмелее. Он хочет, чтобы считали его инкогнитом. Хорошо, подпустим и мы турусы; прикинемся, как будто совсем и не знаем, что он за человек. Мы, прохаживаясь по делам должности, вот с Петром Ивановичем Добчинским, здешним помещиком, зашли

нарочно в гостиницу, чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие, потому что я не так, как иной городничий, которому ни до чего дела нет; но я, кроме должности, еще и по христианскому человеколюбию хочу, чтобы всякому смертному оказывался хороший прием, — и вот, как будто в награду, случай доставил такое приятное знакомство.

Я тоже сам очень рад. Без вас я, признаюсь, долго бы просидел здесь: совсем не знал, чем заплатить.

Да, рассказывай, не знал, чем заплатить? Осмелюсь ли спросить: куда и в какие места ехать изволите?

Я еду в Саратовскую губернию, в собственную деревню.

В Саратовскую губернию! А? и не покраснеет! О, да с ним нужно ухо остро. Благое дело изволили предпринять. Ведь вот относительно дороги: говорят, с одной стороны, неприятности насчет задержки лошадей, а ведь, с другой стороны, развлечение для ума. Ведь вы,

чай, больше для собственного удовольствия едете?

Нет, батюшка меня требует. Рассердился старик, что до сих пор ничего не выслужил в Петербурге. Он думает, что так вот приехал да сейчас тебе Владимира в петлицу и дадут. Нет, я бы послал его самого потолкаться в канцелярию.

Прошу посмотреть, какие пули отливает! и старика отца приплел! И на долгое время изволите ехать?

Право, не знаю. Ведь мой отец упрям и глуп, старый хрен, как бревно. Я ему прямо скажу: как хотите, я не могу жить без Петербурга. За что ж, в самом деле, я должен погубить жизнь с мужиками? Теперь не те потребности, душа моя жаждет просвещения.

Славно завязал узелок! Врет, врёт — и нигде не оборвется! А ведь какой невзрачный, низенький, кажется, ногтем бы придавил его. Ну, да, постой, ты у меня проговоришься. Я тебя уж заставлю побольше рассказать! Справедливо изволили заметить. Что можно сделать в глуши?

Ведь вот хоть бы здесь: ночь не спишь, стараешься для отечества, не жалеешь ничего, а награда неизвестно еще когда будет. Кажется, эта комната несколько сыра?

Скверная комната, и клопы такие, каких я нигде не видывал: как собаки кусают.

Скажите! такой просвещенный гость, и терпит — от кого же? — от каких-нибудь негодных клопов, которым бы и на свет не следовало родиться. Никак, даже темно в этой комнате?

Да, совсем темно. Хозяин завел обыкновение не отпускать свечей. Иногда что-нибудь хочется сделать, почитать или придет фантазия сочинить что-нибудь, — не могу: темно, темно.

Осмелюсь ли просить вас... но нет, я недостоин.

А что?

Нет, нет, недостоин, недостоин!

Да что ж такое?

Я бы дерзнул... У меня в доме есть прекрасная для вас комната, светлая, покойная... Но нет, чувствую сам, это уж слишком большая честь... Не рассердитесь — ей-богу, от простоты души предложил.

Напротив, извольте, я с удовольствием. Мне гораздо приятнее в приватном доме, чем в этом кабаке.

А уж я так буду рад! А уж как жена обрадуется! У меня уже такой нрав: гостеприимство с самого детства, особенно если гость просвещенный человек. Не подумайте, чтобы я говорил это из лести; нет, не имею этого порока, от полноты души выражаюсь.

Покорно благодарю. Я сам тоже — я не люблю людей двуличных. Мне очень нравятся ваша откровенность и радушие, и я бы, признаюсь, больше бы ничего и не требовал, как только оказывай мне преданность и уважение, уважение и преданность.

Изволили спрашивать?

Да; подай счет.

Я уж давича подал вам другой счет.

Я уж не помню твоих глупых счетов. Говори, сколько там?

Вы изволили в первый день спросить обед, а на другой день только закусили семги и потом пошли все в долг брать.

Дурак! еще начал высчитывать. Всего сколько следует?

Да вы не извольте беспокоиться, он подождет. Пошел вон, тебе пришлют.

В самом деле, и то правда.

Не угодно ли будет вам осмотреть теперь некоторые заведения в нашем городе, как-то — богоугодные и другие?

А что там такое?

А так, посмотрите, какое у нас течение дел... порядок какой...

С большим удовольствием, я готов.

Также, если будет ваше желание, оттуда в уездное училище, осмотреть порядок, в каком преподаются у нас науки.

Извольте, извольте.

Потом, если пожелаете посетить острог и городские тюрьмы — рассмотрите, как у нас содержатся преступники.

Да зачем же тюрьмы? Уж лучше мы обсмотрим богоугодные заведения.

Как вам угодно. Как вы намерены: в своем экипаже или вместе со мною на дрожках?

Да, я лучше с вами на дрожках поеду.

Ну, Петр Иванович, вам теперь нет места.

Ничего, я так.

Слушайте: вы побегите, да бегом, во все лопатки и снесите две записки: одну в богоугодное заведение Землянике, а другую жене. Осмелюсь ли я попросить позволения написать в вашем присутствии одну строчку жене, чтоб она приготовилась к принятию почтенного гостя?

Да зачем же?... А впрочем, тут и чернила, только бумаги — не знаю... Разве на этом счете?

Я здесь напишу. А вот посмотрим, как пойдет дело после фриштика да бутылки толстобрюшки! Да есть у нас губернская мадера: неказиста на вид, а слона повалит с ног. Только бы мне узнать, что он такое и в какой мере нужно его опасаться.

Что? Не ушиблись ли вы где-нибудь?

Ничего, ничего-с, без всякого-с помешательства, только свех носа небольшая нашлепка! Я забегу к Христиану Ивановичу: у него-с есть пластырь такой, так вот оно и пройдет.

Это-с ничего. Прошу покорнейше, пожалуйста! А слуге вашему я скажу, чтобы перенес чемодан. Любезнейший, ты перенеси все ко мне, к городничему, — тебе всякий покажет. Прошу покорнейше! Уж и вы! не нашли другого места упасть! И растянулся, как черт знает что такое.

Глава 3

Ну вот, уж целый час дожидаемся, а все ты со своим глупым жеманством: совершенно оделась, нет, еще нужно копаться... Было бы не слушать ее вовсе. Экая досада! Как нарочно, ни души! Как будто бы вымерло все.

Да, право, маменька, чрез минуты две все узнаем. Уж скоро Авдотья должна прийти. Ах, маменька, маменька! Кто-то идет, вон в конце улицы.

Где идет? У тебя вечно какие-нибудь фантазии. Ну да, идет. Кто же это идет? Небольшого роста... во фраке... Кто ж это? А? Это, однако ж, досадно! Кто ж бы это такой был?

Это Добчинский, маменька.

Какой Добчинский? Тебе всегда вдруг вообразится этакое... Совсем не Добчинский. Эй вы, ступайте сюда! Скорее!

Право, маменька, Добчинский.

Ну вот, нарочно, чтобы только поспорить. Говорят тебе — не Добчинский.

А что? а что, маменька? Видите, что Добчинский.

Ну да, Добчинский, теперь я вижу, — из чего же ты споришь? Скорей, скорей! Вы тихо идете. Ну что, где они? А? Да говорите же оттуда — все равно. Что? очень строгий? А? А муж, муж? Такой глупый: до тех пор, пока не войдет в комнату, ничего не расскажет!

Ну, скажите, пожалуйста: ну, не совестно ли вам? Я на вас одних полагалась, как на порядочного человека: все вдруг выбежали, и вы туда ж за ними! И я вот ни от кого до сих пор толку не доберусь. Не стыдно ли вам? Я у вас крестила вашего Ванечку и Лизаньку, а вы вот как со мною поступили!

Ей-богу, кумушка, так бежал засвидетельствовать почтение, что не могу духу перевести. Мое почтение, Марья Антоновна!

Здравствуйте, Петр Иванович!

Ну что? Ну рассказывайте: что и как там?

Антон Антонович прислал вам записочку.

Ну, да кто он такой? Генерал?

Нет, не генерал, а не уступит генералу: такое образование и важные поступки-с.

А! так это тот самый, о котором было писано мужу.

Настоящий. Я это первый открыл вместе с Петром Ивановичем.

Ну, расскажите: что и как?

Да, слава богу, все благополучно. Сначала он принял было Антона Антоновича немного сурово, да-с; сердился и говорил, что и в гостинице все нехорошо, и к нему не поедет, и что он не хочет сидеть за него в тюрьме; но потом, как узнал невинность Антона Антоновича и как покороче разговорился с ним, тотчас переменил мысли, и, слава богу, все пошло хорошо. Они теперь поехали осматривать богоугодные заведения... А то, признаюсь, уже

Антон Антонович думали, не было ли тайного доноса; я сам тоже перетрухнул немножко.

Да вам-то чего бояться? ведь вы не служите.

Да так, знаете, когда вельможа говорит, чувствуешь страх.

Ну, что ж... это все, однако, вздор. Расскажите, каков он собою? Что, стар или молод?

Молодой, молодой человек; лет двадцати трех: а говорит совсем так, как старик: «Извольте, говорит, я поеду и туда, и туда...» так это все славно. «Я, говорит, и написать, и почитать люблю, но, мешает, что в комнате, говорит, немножко темно.»

А собой каков он: брюнет или блондин?

Нет, больше шантрет, и глаза такие быстрые, как зверки, так в смущенье даже приводят.

Что тут пишет он мне в записке? «Спешу тебя уведомить, душенька, что состояние мое было весьма печальное, но, уповая на милосердие божие, за два соленых огурца особенно и за

полпорции икры рубль двадцать пять копеек...»
Я ничего не понимаю, к чему же тут соленые
огурцы и икра?

А, это Антон Антонович писали на черновой
бумаге по скорости: так какой-то счет был
написан.

А, да, точно. «Но, уповая на милосердие
божие, кажется, все будет к хорошему концу.
Приготовь поскорее комнату для важного гостя,
ту, что выклеена желтыми бумажками; к обеду
прибавлять не трудись, потому что закусим в
богоугодном заведении у Артемия Филипповича,
а вино вели побольше; скажи купцу Абдулину,
чтобы прислал самого лучшего, а не то я перерою
весь его погреб. Целую, душенька, твою ручку,
остаюсь твой: Антон Сквозник-Дмухановский...»
Ах, боже мой! Это, однако ж, нужно поскорей!
Эй, кто там? Мишка!

Мишка! Мишка! Мишка!

Послушай: беги к купцу Абдулину... постой, я
дам тебе записочку : эту записку ты отдай кучеру
Сидору, чтоб он побежал с нею к купцу Абдулину

и принес оттуда вина. А сам поди сейчас прибери хорошенько эту комнату для гостя. Там поставить кровать, рукомойник и прочее.

Ну, Анна Андреевна, я побегу теперь поскорее посмотреть, как там он обзореваает.

Ступайте, ступайте! Я не держу вас.

Ну, Машенька, нам нужно теперь заняться туалетом. Он столичная штучка: боже сохрани, чтобы чего-нибудь не осмеел. Тебе приличнее всего надеть твое голубое платье с мелкими оборками.

Фи, маменька, голубое! Мне совсем не нравится: и Ляпкина-Тяпкина ходит в голубом, и дочь Земляники в голубом. Нет, лучше я надену цветное.

Цветное!.. Право, говоришь — лишь бы только наперекор. Оно тебе будет гораздо лучше, потому что я хочу надеть палевое; я очень люблю палевое.

Ах, маменька, вам нейдет палевое!

Мне палевое нейдет?

Нейдет, я что угодно даю, нейдет: для этого нужно, чтобы глаза были совсем темные.

Вот хорошо! А у меня глаза разве не темные? Самые темные. Какой вздор говорит! Как же не темные, когда я и гадаю про себя всегда на треновую даму?

Ах, маменька! Вы больше червоная дама.

Пустяки, совершенные пустяки! Я никогда не была червоная дама. Этакое вдруг вообразится! червоная дама! Бог знает что такое!

Куда тут?

Сюда, дядюшка, сюда.

Постой, прежде дай отдохнуть. Ах ты, горемычное житье! На пустое брюхо всякая ноша кажется тяжела.

Что, дядюшка, скажите: скоро будет генерал?

Какой генерал?

Да барин ваш.

Барин? Да какой он генерал?

А разве не генерал?

Генерал, да только с другой стороны.

Что ж, это больше или меньше настоящего генерала?

Больше.

Вишь ты, как! То-то у нас сумятицу подняли.

Послушай, малый: ты, я вижу, проворный парень; приготовь-ка там что-нибудь поесть.

Да для вас, дядюшка, еще ничего не готово. Простова блюда вы не будете кушать, а вот как барин ваш сядет за стол, так и вам того же кушанья отпустят.

Ну, а простова-то что у вас есть?

Щи, каша и пироги.

Давай их, щи, кашу и пироги! Ничего, все будем есть. Ну, понесем чемодан! Что, там другой выход есть?

Есть.

Хорошие заведения. Мне нравится, что у вас показывают проезжающим все в городе. В других городах мне ничего не показывали.

В других городах, осмелюсь вам доложить, градоправители и чиновники больше заботятся о своей, то есть, пользе. А здесь, можно сказать, нет другого помышления, кроме того, чтобы благочинием и бдительностью заслужить внимание начальства.

Завтрак был очень хорош; я совсем объелся. Что, у вас каждый день бывает такой?

Нарочно для приятного гостя.

Я люблю поесть. Ведь на то живешь, чтобы срывать цветы удовольствия. Как называлась эта рыба?

Лабардан-с.

Очень вкусная. Где это мы завтракали? В больнице, что ли?

Так точно-с, в богоугодном заведении.

Помню, помню, там стояли кровати. А больные выздоровели? Там их, кажется, немного.

Человек десять осталось, не больше; а прочие все выздоровели. Это уж так устроено, такой порядок. С тех пор, как я принял начальство, — может быть, вам покажется даже невероятным, — все как мухи выздоравливают. Больной не успеет войти в лазарет, как уже здоров; и не столько медикаментами, сколько честностью и порядком.

Уж на что, осмелюсь доложить вам, головоломна обязанность градоначальника! Столько лежит всяких дел, относительно одной чистоты, починки, поправки... словом, наиумнейший человек пришел бы в затруднение, но, благодарение богу, все идет благополучно. Иной городничий, конечно, радел бы о своих выгодах; но, верите ли, что, даже когда ложишься спать, все думаешь: «Господи боже ты мой, как бы так устроить, чтобы начальство увидело мою ревность и было довольным?..» Наградит ли оно или нет — конечно, в его воле; по крайней мере, я буду спокоен в сердце. Когда в городе во всем

порядок, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяниц мало... то чего ж мне больше? Ей-ей, и почестей никаких не хочу. Оно, конечно, заманчиво, но пред добродетелью все прах и суета.

Эка, бездельник, как расписывает! Дал же бог такой дар!

Это правда. Я, признаюсь, сам люблю иногда заумствоваться: иной раз прозой, а в другой раз и стишки выкинутся.

Справедливо, все справедливо, Петр Иванович! Замечания такие... видно, что наукам учился.

Скажите, пожалуйста, нет ли у вас каких-нибудь развлечений, обществ, где бы можно было, например, поиграть в карты?

Эге, знаем, голубчик, в чей огород камешки бросают! Боже сохрани! Здесь и слуху нет о таких обществах. Я карт и в руки никогда не брал; даже не знаю, как играть в эти карты. Смотреть никогда не мог на них равнодушно; и

если случится увидеть этак какого-нибудь бубнового короля или что-нибудь другое, то такое омерзение нападет, что просто плюнешь. Раз как-то случилось, забавляя детей, выстроил будку из карт, да после того всю ночь снились, проклятые. Бог с ними! Как можно, чтобы такое драгоценное время убивать на них?

А у меня, подлец, выпонтировал вчера сто рублей.

Лучше ж я употреблю это время на пользу государственную.

Ну, нет, вы напрасно, однако же... Все зависит от той стороны, с которой кто смотрит на вещь. Если, например, забастуешь тогда, как нужно гнуть от трех углов... ну, тогда конечно... Нет, не говорите, иногда очень заманчиво поиграть.

Осмелюсь представить семейство мое: жена и дочь.

Как я счастлив, сударыня, что имею в своем роде удовольствие вас видеть.

Нам еще более приятно видеть такую особу.

Помилуйте, сударыня, совершенно напротив: мне еще приятнее.

Как можно-с! Вы это так изволите говорить, для комплимента. Прошу покорно садиться.

Возле вас стоять уже есть счастье; впрочем, если вы так уже непременно хотите, я сяду. Как я счастлив, что наконец сижу возле вас.

Помилуйте, я никак не смею принять на свой счет... Я думаю, после столицы вояжировка вам показалась очень неприятною.

Чрезвычайно неприятна. Привыкши жить, *comprenez vous*, в свете, и вдруг очутиться в дороге: грязные трактиры, мрак невежества... Если б, признаюсь, не такой случай, который меня... так вознаградил за все...

В самом деле, как вам должно быть неприятно.

Впрочем, сударыня, в эту минуту мне очень приятно.

Как можно-с! Вы делаете много чести. Я этого не заслуживаю.

Отчего же не заслуживаете?

Я живу в деревне...

Да деревня, впрочем, тоже имеет свои пригорки, ручейки... Ну, конечно, кто же сравнит с Петербургом! Эх, Петербург! что за жизнь, право! Вы, может быть, думаете, что я только переписываю; нет, начальник отделения со мной на дружеской ноге. Этак ударит по плечу: «Приходи, братец, обедать!» Я только на две минуты захожу в департамент, с тем только, чтобы сказать: «Это вот так, это вот так!» А там уж чиновник для письма, этакая крыса, пером только — тр, тр... пошел писать. Хотели было даже меня коллежским асессором сделать, да, думаю, зачем. И сторож летит еще на лестнице за мною со щеткою: «Позвольте, Иван Александрович, я вам, говорит, сапоги почищу». Что вы, господа, стоите? Пожалуйста, садитесь!

{ border="0" align="left" - style="border-right:1px solid black" rowspan=3 Вместе: Чин такой, что еще можно постоять. - Мы постоим. - Не извольте беспокоиться }

Без чинов, прошу садиться.

Я не люблю церемонии. Напротив, я даже всегда стараюсь проскользнуть незаметно. Но никак нельзя скрыться, никак нельзя! Только выйду куда-нибудь, уж и говорят: «Вон, говорят, Иван Александрович идет!» А один раз меня даже приняли за главнокомандующего: солдаты выскочили из гауптвахты и сделали ружьем. После уже офицер, который мне очень знаком, говорит мне: «Ну, братец, мы тебя совершенно приняли за главнокомандующего».

Скажите как!

С хорошенькими актрисами знаком. Я ведь тоже разные водевильчики... Литераторов часто вижу. С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат, — отвечает, бывало, — так как-то все...» Большой оригинал.

Так вы и пишете? Как это должно быть приятно сочинителю! Вы, верно, и в журналы помещаете?

Да, и в журналы помещаю. Моих, впрочем, много есть сочинений: «Женитьба Фигаро», «Роберт-Дьявол», «Норма». Уж и названий даже не помню. И все случаем: я не хотел писать, но театральная дирекция говорит: «Пожалуйста, братец, напиши что-нибудь». Думаю себе: «Пожалуй, изволь братец!» И тут же в один вечер, кажется, все написал, всех изумил. У меня легкость необыкновенная в мыслях. Все это, что было под именем барона Брамбеуса, «Фрегат Надежды» и «Московский телеграф»... все это я написал.

Скажите, так это вы были Брамбеус?

Как же, я им всем поправляю статьи. Мне Смирдин дает за это сорок тысяч.

Так, верно, и «Юрий Милославский» ваше сочинение?

Да, это мое сочинение.

Я сейчас догадалась.

Ах, маменька, там написано, что это господина Загоскина сочинение.

Ну вот: я и знала, что даже здесь будешь спорить.

Ах да, это правда, это точно Загоскина; а вот есть другой «Юрий Милославский», так тот уж мой.

Ну, это, верно, я ваш читала. Как хорошо написано!

Я, признаюсь, литературой существую. У меня дом первый в Петербурге. Так уж и известен: дом Ивана Александровича. Сделайте милость, господа, если будете в Петербурге, прошу, прошу ко мне. Я ведь тоже балы даю.

Я думаю, с каким там вкусом и великолепием дают балы!

Просто не говорите. На столе, например, арбуз — в семьсот рублей арбуз. Суп в кастрюльке прямо на пароходе приехал из Парижа; откроют крышку — пар, которому подобного нельзя отыскать в природе. Я всякий день на балах. Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник,

английский, немецкий посланник и я. И уж так уморишься, играя, что просто ни на что не похоже. Как избежишь по лестнице к себе на четвертый этаж — скажешь только кухарке: «На, Маврушка, шинель...» Что ж я вру — я и позабыл, что живу в бельэтаже. У меня одна лестница стоит... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я еще не проснулся: графы и князя толкутся и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж... ж... Иной раз и министр...

Мне даже на пакетах пишут: «ваше превосходительство». Один раз я даже управлял департаментом. И странно: директор уехал, — куда уехал, неизвестно. Ну, натурально, пошли толки: как, что, кому занять место? Многие из генералов находились охотники и брались, но подойдут, бывало, — нет, мудрено. Кажется, и легко на вид, а рассмотришь — просто черт возьми! После видят, нечего делать, — ко мне. И в ту же минуту по улицам курьеры, курьеры, курьеры... можете представить себе, тридцать пять тысяч одних курьеров! Каково положение? — я спрашиваю. «Иван Александрович ступайте

департаментом управлять!» Я, признаюсь, немного смутился, вышел в халате: хотел отказаться, но думаю: дойдет до государя, ну да и послужной список тоже... «Извольте, господа, я принимаю должность, я принимаю, говорю, так и быть, говорю, я принимаю, только уж у меня: ни, ни, ни!.. Уж у меня ухо остро! уж я...» И точно: бывало, как прохожу через департамент, — просто землетрясение, все дрожит и трясется как лист.

О! я шутить не люблю. Я им всем задал остротку. Меня сам государственный совет боится. Да что в самом деле? Я такой! я не посмотрю ни на кого... я говорю всем: «Я сам себя знаю, сам.» Я везде, везде. Во дворец всякий день езжу. Меня завтра же произведут сейчас в фельдмарш...

А ва-ва-ва... ва...

Что такое?

А ва-ва-ва... ва...

Не разберу ничего, все вздор.

Ва-ва-ва... шество, превосходительство, не прикажете ли отдохнуть?.. Вот и комната, и все что нужно.

Вздор — отдохнуть. Извольте, я готов отдохнуть. Завтрак у вас, господа, хорош... Я доволен, я доволен. Лабардан! Лабардан!

Вот это, Петр Иванович, человек-то! Вот оно, что значит человек! В жисть не был в присутствии столь важной персоны, чуть не умер со страху. Как вы думаете, Петр Иванович, кто он такой в рассуждении чина?

Я думаю, чуть ли не генерал.

А я так думаю, что генерал-то ему и в подметки не станет! А когда генерал, то уж разве сам генералиссимус. Слышали: государственный-то совет как прижал? Пойдем расскажем поскорее Аммосу Федоровичу и Коробкину. Прощайте, Анна Андреевна!

Прощайте, кумушка!

Страшно просто. А отчего, и сам не знаешь. А мы даже и не в мундирах. Ну что, как проспится

да в Петербург махнет донесение? : Прощайте, сударыня!

Ах, какой приятный!

Ах, какой милашка!

Но только какое тонкое обращение! сейчас можно увидеть столичную штучку. Приемы и все это такое... Ах, как хорошо! Я страх люблю таких молодых людей! я просто без памяти. Я, однако ж, ему очень понравилась: я заметила — все на меня поглядывал.

Ах, маменька, он на меня глядел!

Пожалуйста, со своим вздором подальше! Это здесь вовсе не уместно.

Нет, маменька, право!

Ну вот! Боже сохрани, чтобы не поспорить! Нельзя, да и полно! Где ему смотреть на тебя? И с какой стати ему смотреть на тебя?

Право, маменька, все смотрел. И как начал говорить о литературе, то взглянул на меня, и

потом, когда рассказывал, как играл в вист с посланниками, и тогда посмотрел на меня.

Ну, может быть, один какой-нибудь раз, да и то так уж, лишь бы только. «А, — говорит себе, — дай уж посмотрю на нее!»

Чш... ш...

Что?

И не рад, что напоил. Ну что, если хоть одна половина из того, что он говорил, правда? Да как же и не быть правде? Подгулявши, человек все несет наружу: что на сердце, то и на языке. Конечно, прилгнул немного; да ведь не прилгнувши не говорится никакая речь. С министрами играет и во дворец ездит... Так вот, право, чем больше думаешь... черт его знает, не знаешь, что и делается в голове; просто как будто или стоишь на какой-нибудь колокольне, или тебя хотят повесить.

А я никакой совершенно не ощутила робости; я видела в нем образованного, светского,

высшего тона человека, а о чинах его мне и нужды нет.

Ну, уж вы — женщины! Все кончено, одного этого слова достаточно! Вам все — финтирлюшки! Вдруг брякнут ни из того ни из другого словцо. Вас посекут, да и только, а мужа и поминай как звали. Ты, душа моя, обращалась с ним так свободно, будто с каким-нибудь Добчинским.

Об этом уж я советую вам не беспокоиться. Мы кой-что знаем такое.

Ну, уж с вами говорить!.. Эка в самом деле оказия! До сих пор не могу очнуться от страха. Мишка, позови квартальных Свистунова и Держиморду: они тут недалеко где-нибудь за воротами. Чудно все завелось теперь на свете: хоть бы народ-то уж был видный, а то худенький, тоненький — как его узнаешь, кто он? Еще военный все-таки кажет из себя, а как наденет фрачишку — ну точно муха с подрезанными крыльями. А ведь долго крепился давеча к трактире, заламливал такие аллегории и екивоки,

что, кажись, век бы не добился толку. А вот наконец и подался. Да еще наговорил больше, чем нужно. Видно, что человек молодой.

Подойди сюда, любезный!

Чш!.. Что? Что? Спит?

Нет еще, немножко потягивается.

Послушай, как тебя зовут?

Осип, сударыня.

Полно, полно вам! Ну что, друг, тебя накормили хорошо?

Накормили, покорнейше благодарю; хорошо накормили.

Ну что, скажи: к твоему барину слишком, я думаю, много ездит графов и князей?

А что говорить? Коли теперь накормили хорошо, значит, после еще лучше накормят. Да, бывают и графы.

Душенька Осип, какой твой барин хорошенький!

А что, скажи, пожалуйста, Осип, как он...

Да перестаньте, пожалуйста! Вы такими пустыми речами только мне мешаете! Ну что, друг?..

А чин какой на твоём барине?

Чин обыкновенно какой.

Ах, боже мой, вы все с своими глупыми расспросами! Не дадите ни слова поговорить о деле. Ну что, друг, как твой барин?.. Строг? Любит этак распекать или нет?

Да, порядок любит. Уж ему чтоб все было в исправности.

А мне очень нравится твое лицо. Друг, ты должен быть хороший человек. Ну что...

Послушай, Осип, а как барин твой там, в мундире ходит, или...

Полно вам, право, трещотки какие! Здесь нужная вещь: дело идет о жизни человека... Ну что, друг, право, мне ты очень нравишься. В дороге не мешает, знаешь, чайку выпить лишний

стаканчик, — оно теперь холодновато. Так вот тебе пара целковиков на чай.

А покорнейше благодарю, сударь. Дай бог вам всякого здоровья! Бедный человек, помогли ему.

Хорошо, хорошо, я и сам рад. А что, друг...

Послушай, Осип, а какие глаза больше всего нравятся твоему барину?

Осип, душенька, какой миленький носик у твоего барина!..

Да постойте, дайте мне!.. А что, друг, скажи, пожалуйста: на что больше барин твой обращает внимание, то есть что ему в дороге больше нравится?

Любит он, по рассмотрению, что как придется. Больше всего любит, чтобы его приняли хорошо, угощение чтоб было хорошее.

Хорошее?

Да, хорошее. Вот уж на что я крепостной человек, но и то смотрит, чтобы и мне было хорошо. Ей-богу! Бывало, заедем куда-нибудь:

«Что, Осип, хорошо тебя угостили?» — «Плохо, ваше высокоблагородие!» — «Э, говорит, это Осип, нехороший хозяин. Ты, говорит, напомни мне, как приеду». «А, — думаю себе, — бог с ним! я человек простой».

Хорошо, хорошо, и дело ты говоришь. Там я тебе дал на чай, так вот еще сверх того на баранки.

За что жалуете, ваше высокоблагородие? Разве уж выпью за ваше здоровье.

Приходи, Осип, ко мне, тоже получишь.

Осип, душенька, поцелуй своего барина!

Чш! Боже вас сохрани шуметь! Идите себе! Полно уж вам...

Пойдем, Машенька! Я тебе скажу, что я заметила у гостя такое, что нам вдвоем только можно сказать.

О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай — и уши потом заткнешь. Ну, друг...

Чш! Экие косолапые медведи — стучат сапогами! Так и валится, как будто сорок пуд сбрасывает кто-нибудь с телеги! Где вас черт таскает?

Был по приказанию...

Чш! Эк как каркнула ворона! Был по приказанию! Как из бочки, так рычит. Ну, друг, ты ступай приготовляй там, что нужно для барина. Все, что ни есть в доме, требуй. А вы — стоять на крыльце, и ни с места! И никого не пускать в дом стороннего, особенно купцов! Если хоть одного из них впустите, то... Только увидите, что идет кто-нибудь с просьбою, а хоть и не с просьбою, да похож на такого человека, что хочет подать на меня просьбу, взашей так прямо и толкайте! Так его! Хорошенько! Слышите? Чш... чш...

Глава 4

Ради бога, господа, скорее в кружок, да побольше порядку! Бог с ним: и во дворец ездит,

и государственный совет распекает! Стройтесь на военную ногу, непременно на военную ногу! Вы, Петр Иванович, забегите с этой стороны, а вы, Петр Иванович, станьте вот тут.

Воля ваша, Аммос Федорович, нам нужно бы кое-что предпринять.

А что именно?

Ну, известно что.

Подсунуть?

Ну да, хоть и подсунуть.

Опасно, черт возьми! раскричится: государственный человек. А разве в виде приношения со стороны дворянства на какой-нибудь памятник?

Или же: «вот, мол, пришли по почте деньги, неизвестно кому принадлежащие».

Смотрите, чтобы он вас по почте не отправил куды-нибудь подальше. Слушайте: эти дела так не делаются в благоустроенном государстве. Зачем нас здесь целый эскадрон? Представиться

нужно поодиночке, да между четырех глаз и того... как там следует — чтобы и уши не слышали. Вот как в обществе благоустроенном делается! Ну, вот вы, Аммос Федорович, первый и начните.

Так лучше ж вы: в вашем заведении высокий посетитель вкусил хлеба.

Так уж лучше Луке Лукичу, как просветителю юношества.

Не могу, не могу, господа. Я, признаюсь, так воспитан, что, заговори со мною одним чином кто-нибудь повыше, у меня просто и души нет и язык как в грязь завязнул. Нет, господа, увольте, право увольте!

Да, Аммос Федорович, кроме вас, некому. У вас что ни слово, то Цицерон с языка слетел.

Что вы! что вы: Цицерон! Смотрите, что выдумали! Что иной раз увлечешься, говоря о домашней своре или гончей ищейке...

Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... Нет, Аммос Федорович, не

оставляйте нас, будьте отцом нашим!.. Нет, Аммос Федорович!

Отвяжитесь, господа!

Ой, Петр Иванович, Петр Иванович! наступили на ногу!

Отпустите, господа, хоть душу на покаяние — совсем прижали!

Я, кажется, всхрипнул порядком. Откуда они набрали таких тюфяков и перин? даже вспотел. Кажется, они вчера мне подсунули чего-то за завтраком: в голове до сих пор стучит. Здесь, как я вижу, можно с приятностию проводить время. Я люблю радушие, и мне, признаюсь, больше нравится, если мне угождают от чистого сердца, а не то чтобы из интереса. А дочка городничего очень недурна, да и матушка такая, что еще можно бы... Нет, я не знаю, а мне, право, нравится, такая жизнь.

Боже, боже! Вынеси благополучно; так вот коленки и ломает. Имею честь представиться:

судья здешнего уездного суда, коллежский ассессор Ляпкин-Тяпкин.

Прошу садиться. Так вы здесь судья?

С восьмьсот шестнадцатого был избран на трехлетие по воле дворянства и продолжал должность до сего времени.

А выгодно, однако же, быть судьей?

За три трехлетия представлен к Владимиру четвертой степени с одобрения со стороны начальства. А деньги в кулаке, да кулак-то весь в огне.

А мне нравится Владимир. Вот Анна третьей степени уже не так.

Господи боже! Не знаю, где сию. Точно горячие угли под тобою.

Что это у вас в руке?

Ничего-с.

Как ничего? Я вижу, деньги упали.

Никак нет-с. О боже, вот я уже и под судом! И тележку подвезли схватить меня!

Да, это деньги.

Ну, все кончено — пропал! пропал!

Знаете ли что? дайте их мне взаймы.

Как же-с, как же-с... с большим удовольствием. Ну, смелее, смелее! Вывози, пресвятая мать!

Я, знаете, в дороге издержался: то да се... Впрочем, я вам из деревни сейчас их пришлю.

Помилуйте, как можно! и без этого такая честь... Конечно, слабыми моими силами, рвением и усердием к начальству... постараюсь заслужить... Не смею более беспокоить своим присутствием. Не будет ли какого приказанья?

Какого приказанья?

Я разумею, не дадите ли какого приказанья здешнему уездному суду?

Зачем же? Ведь мне никакой нет теперь в нем надобности.

Ну, город наш!

Судья — хороший человек.

Имею честь представиться: почтмейстер, надворный советник Шпекин.

А, милости просим. Я очень люблю приятное общество. Садитесь. Вы ведь здесь всегда живете?

Так точно-с.

А мне нравится здешний городок. Конечно, не так многолюдно — ну что ж? Ведь это не столица. Не правда ли, ведь это не столица?

Совершенная правда.

Ведь это только в столице бонтон и нет провинциальных гусей. Как ваше мнение, не так ли?

Так точно-с. А он, однако ж, ничуть не горд; обо всем расспрашивает.

А ведь, однако ж, признайтесь, ведь и в маленьком городке можно прожить счастливо?

Так точно-с.

По моему мнению, что нужно? Нужно только, чтобы тебя уважали, любили искренне, — не так

ли?

Совершенно справедливо.

Я, признаюсь, рад, что вы одного мнения со мною. Меня, конечно, назовут странным, но уж у меня такой характер. А попрошу-ка я у этого почтмейстера займы! Какой странный со мною случай: в дороге совершенно поиздержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займы?

Почему же? почту за величайшее счастье. Вот-с, извольте. От души готов служить.

Очень благодарен. А я, признаться, смерть не люблю отказывать себе в дороге, да и к чему? Не так ли?

Так точно-с. Не смея более беспокоить своим присутствием... Не будет ли какого замечания по части почтового управления?

Нет, ничего.

Почтмейстер, мне кажется, тоже очень хороший человек. По крайней мере, услужлив. Я люблю таких людей.

Имею честь представиться: смотритель училищ, титулярный советник Хлопов.

А, милости просим. Садитесь, садитесь. Не хотите ли сигарку?

Вот тебе раз! Уж этого никак не предполагал. Брать или не брать?

Возьмите, возьмите; это порядочная сигарка. Конечно не то, что в Петербурге. Там, батюшка, я курил сигарочки по двадцати пяти рублей сотенка, просто ручки потом себе поцелуешь, как выкуришь. Вот огонь, закурите.

Да не с того конца.

Чорт побери всё! Сгубила проклятая робость!

Вы, как я вижу, не охотник до сигарок. А я признаюсь: это моя слабость. Вот еще насчет женского полу, никак не могу быть равнодушен. Как вы? Какие вам больше нравятся, брюнетки или блондинки?

Нет, скажите откровенно, брюнетки или блондинки?

Не смею знать.

Нет, нет, не отговаривайтесь. Мне хочется узнать непременно ваш вкус.

Осмелюсь доложить... Ну, и сам не знаю, что говорю.

А! А! Не хотите сказать. Верно, уж какая-нибудь брюнетка сделала вам маленькую загвоздочку. Признайтесь, сделала?

А! А! Покраснели, видите, видите! Отчего ж вы не говорите?

Оробел, ваше бла... преос... сият... Продал проклятый язык, продал!

Оробели? А в моих глазах точно есть что-то такое, что внушает робость. По крайней мере я знаю, что ни одна женщина не может их выдержать; не так ли?

Так точно-с.

Вот со мной престранный случай: в дороге совсем издержался. Не можете ли вы мне дать триста рублей займа?

Вот-те штука, если нет! Есть, есть.

Покорнейше благодарю.

Не смею долее беспокоить присутствием.

Прощайте.

Ну, слава богу! Авось не заглянет в классы.

Имею честь представиться: попечитель богоугодных заведений, надворный советник Земляника.

Здравствуйте, прошу покорно садиться.

Имел честь сопровождать вас и принимать лично во вверенных моему смотрению богоугодных заведениях.

А, да! Помню. Вы очень хорошо угостили завтраком.

Рад стараться на службу отечеству.

Я, признаюсь, это моя слабость: люблю хорошую кухню. Скажите, пожалуйста, мне кажется, как будто бы вчера вы были немножко ниже ростом, не правда ли?

Очень может быть. Могу сказать, что не жалею ничего и ревностно исполняю службу. Вот здешний почтмейстер совершенно ничего не делает: все дела в большом запущении, посылки задерживаются... извольте сами нарочно разыскать. Судья тоже, который только что был пред моим приходом, ездит только за зайцами, в присутственных местах держит собак, и поведения, если признаться пред вами, конечно для пользы отечества, я должен это сделать, хотя он мне родня и приятель, поведения самого предосудительного: здесь есть один помещик Добчинский, которого вы изволили видеть, и как только этот Добчинский куда-нибудь выйдет из дому, то он там уж и сидит у жены его, я присягнуть готов... и нарочно посмотрите на детей: ни одно из них не похоже на Добчинского, но все, даже девочка маленькая, как вылитый судья.

Скажите пожалуйста! А я никак этого не думал.

Вот и смотритель здешнего училища. Я не знаю, как могло начальство поверить ему такую

должность. Он хуже, чем якобинец, и такие внушает юношеству неблагонамеренные правила, что даже выразить трудно. Не прикажете ли, я всё это изложу лучше на бумаге?

Хорошо, хоть на бумаге. Мне очень будет приятно. Я, знаете, эдак люблю в скучное время прочесть что-нибудь забавное... Как ваша фамилия? Я всё позабываю.

Земляника.

А, да, Земляника. И что ж, скажите пожалуйста, есть у вас детки?

Как же-с, пятеро; двое уже взрослых.

Скажите: взрослых! а как они... как они того?..

То есть не изволите ли вы спрашивать, как их зовут?

Да, как их зовут?

Николай, Иван, Елизавета, Марья и Перепетуя.

Это хорошо.

Не смея беспокоить своим присутствием, отнимать времени, определенного на священные обязанности...

Нет, ничего. Это всё очень смешно, что вы говорили. Пожалуста и в другое тоже время... Я это очень люблю. : Ей вы! как вас? я всё позабываю, как ваше имя и отчество.

Артеми́й Фили́пович.

Сделайте милость, Артеми́й Фили́пович, сомной странный случай: в дороге совершенно издержался. Нет ли у вас денег взаймы рублей четыреста?

Есть.

Скажите, как кстати. Покорнейше вас благодарю.

Имею честь представиться: житель здешнего города, Петр Иванов сын, Бобчинский.

Помещик Петр Иванов сын, Добчинский.

А, да я уж вас видел. Вы, кажется, тогда упали; что, как ваш нос?

Слава богу! не извольте беспокоиться: присох, теперь совсем присох.

Хорошо, что присох. Я рад... Денег нет у вас?

Денег? как денег?

Взаймы рублей тысячу.

Такой суммы, ей богу, нет. А нет ли у вас, Петр Иванович?

При мне-с не имеется. Потому что деньги мои, если изволите знать, положены в приказ общественного призрения.

Да, ну если тысячи нет, так рублей сто.

У вас, Петр Иванович, нет ста рублей? У меня всего сорок ассигнациями.

Двадцать пять рублей всего.

Да вы поищите-то получше, Петр Иванович! У вас там, я знаю, в кармане-то с правой стороны прореха, так в прореху-то верно как-нибудь запали.

Нет, право, и в прорехе нет.

Ну, всё равно. Я ведь только так. Хорошо, пусть будет шестьдесят пять рублей. Это всё равно.

Я осмеливаюсь попросить вас относительно одного очень тонкого обстоятельства.

А что это?

Дело очень тонкого свойства-с: старший-то сын мой, изволите видеть, рожден мною еще до брака.

Да?

То есть оно так только говорится, а он рожден мною так совершенно, как бы и в браке, и всё это, как следует, я завершил потом законными-с узами супружества-с. Так я, изволите видеть, хочу, чтоб он теперь уже был совсем то есть законным моим сыном-с и назывался бы так, как я: Добчинский-с.

Хорошо, пусть называется! Это можно.

Я бы и не беспокоил вас, да жаль насчет способностей. Мальчишка-то этакой... большие надежды подает: наизусть стихи разные расскажет и, если где попадет ножик, сейчас

сделает маленькие дрожечки так искусно, как фокусник-с. Вот и Петр Иванович знает.

Да, большие способности имеет.

Хорошо, хорошо: я об этом постараюсь, я буду говорить... я надеюсь... всё это будет сделано, да, да. Не имеете ли и вы чего-нибудь сказать мне?

Как же, имею очень нижайшую просьбу.

А что, о чем?

Я прошу вас покорнейше, как поедете в Петербург, скажите всем там вельможам разным: сенаторам и адмиралам, что вот, ваше сиятельство, или превосходительство, живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский. Так и скажите: живет Петр Иванович Бобчинский.

Очень хорошо.

Да если этак и государю придется, то скажите и государю, что вот, мол, ваше императорское величество, в таком-то городе живет Петр Иванович Бобчинский.

Очень хорошо.

Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Извините, что так утрудили вас своим присутствием.

Ничего, ничего. Мне очень приятно.

Здесь много чиновников. Мне кажется, однако ж, они меня принимают за государственного человека. Верно, я вчера им подпустил пыли. Экое дурачье! напишу-ка я обо всем в Петербург к Тряпичкину. Он пописывает статейки. Пусть-ка он их общелкает хорошенько. Эй, Осип! подай мне бумагу и чернила! А уж Тряпичкину точно, если кто попадет на зубок, — берегись, отца родного не пощадит для словца и деньгу тоже любит. Впрочем, чиновники эти добрые люди: это с их стороны хорошая черта, что они мне дали взаймы. Пересмотрю нарочно, сколько у меня денег. Это от судьи триста. Это от почтмейстера триста, шестьсот, семьсот, восемьсот... какая замасленная бумажка! Восемьсот, девятьсот!.. Ого! за тысячу

перевалило... Ну-ка теперь, капитан! Ну-ка, попадись-ка ты мне теперь. Посмотрим, кто кого!

Ну что, видишь, дурак, как меня угощают и принимают!

Да, слава богу! только знаете что, Иван Александрович?

А что?

Уезжайте отсюда. Ей богу уже пора.

Вот вздор! зачем?

Да так. Бог с ними со всеми! Погуляли здесь два денька, ну — и довольно. Что с ними долго связываться? Плюньте на них! неровен час: какой-нибудь другой наедет. Ей богу, Иван Александрович! а лошади тут славные: так бы закатали!..

Нет. Мне еще хочется пожить здесь. Пусть завтра.

Да что завтра! Ей богу поедем, Иван Александрович. Оно хоть и большая тут честь вам, да всё, знаете, лучше уехать скорее... Ведь

вас, право, за кого-то другого приняли, и батюшка будет гневаться за то, что так замешкались... так бы, право, закатили славно! А лошадей бы важных здесь дали.

Ну хорошо. Отнеси только наперед это письмо, пожалуй вместе и подорожную возьми. Да зато смотри, чтоб лошади хорошие были. Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому; чтобы так, как фельдъегеря катили! и песни бы пели!.. Воображаю, Тряпичкин умрет со смеху...

Я, сударь, отправлю его с человеком здешним, а сам лучше буду укладываться, чтоб не прошло понапрасну время.

Хорошо. Принеси только свечу.

Эй, послушай, брат! Отнесешь письмо на почту, и скажи почтмейстеру, чтоб он принял без денег, да скажи, чтоб сейчас привели к барину самую лучшую тройку, курьерскую; а прогону, скажи, барин не плотит. Прогон, мол, скажи, казенный. Да чтоб всё живее, а не то, мол, барин сердится. Стой, еще письмо не готово.

Любопытно знать: где он теперь живет — в Почтамтской или Гороховой. Он ведь тоже любит часто переезжать с квартиры и не доплачивать. Напишу наудалую в Почтамтскую.

На, отнеси.

Допустите, батюшка! Вы не можете не допустить. Мы за делом пришли.

Пошел, пошел! Не принимает, спит.

Что там такое, Осип? Посмотри, что за шум.

Купцы какие-то хотят войти, да не допускает квартальный. Машут бумагами, верно, вас хотят видеть.

А что вы, любезные?

К твоей милости прибегаем. Прикажи, государь, просьбу принять.

Впустите их, впустите! Пусть идут, Осип, скажи им: пусть идут.

«Его высокоблагородному светлости господину финансову от купца Абдулина»... Чорт знает что: и чина такого нет!

А что вы, любезные?

Челом бьем вашей милости.

А что вам угодно?

Не губи, государь! Обижательство терпим
совсем понапрасну.

От кого?

Да всё от городничего здешнего. Такого
городничего никогда еще, государь, не было.
Такие обиды чинит, что описать нельзя. Постоем
совсем заморил, хоть в петлю полезай. Не по
поступкам поступает. Схватит за бороду, говорит:
«Ах ты, татарин!» Ей богу! Если бы, то есть, чем-
нибудь не уважали его; а то мы уж порядок всегда
исполняем: что следует на платья супружнице его
и дочке — мы против этого не стоим. Нет, вишь
ты, ему всего мало — ей, ей! Придет в лавку и,
что ни попадет, всё берет: сукна увидит штуку,
говорит: «Э, милый, это хорошее суконцо: снеси-
ка его ко мне». Ну и несешь, а в штуке-та будет
без мала аршин пятьдесят.

Неужели? Ах, какой же он мошенник!

Ей богу! такого никто не запомнит городничего. Так всё и припрятываешь в лавке, когда его завидишь. То есть, не то уж говоря, чтоб какую деликатность, всякую дрянь берет: чернослив такой, что лет уже по семи лежит в бочке, что у меня сиделец не будет есть, а он целую горсть туда запустит. Именины его бывают на Антона, и уж, кажись, всего нанесешь, ни в чем не нуждается. Нет, ему еще подавай: говорит, и на Онуфрия его именины. Что делать? и на Онуфрия несешь.

Да это просто разбойник.

Ей, ей! А попробуй прекословить, наведет к тебе в дом целый полк на постой. А если что, велит запереть двери: я тебя не буду, говорит, подвергать телесному наказанию или пыткой пытать — это, говорит, запрещено законом, а вот ты у меня, любезный, поешь селедки!

Ах, какой мошенник! Да за это просто в Сибирь.

Да уж куда милость твоя ни запровадит его, всё будет хорошо, лишь бы, то есть, от нас

подальше. Не побрезгай, отец наш, хлебом и солью: кланяемся тебе сахарцом и кузовком вина.

Нет, вы этого не думайте: я не беру совсем никаких взяток. Вот, если бы вы, например, предложили мне взаймы рублей триста, ну тогда совсем дело другое: взаймы я могу взять.

Изволь, отец наш. Да что триста! Уж лучше пятьсот возьми, помоги только.

Извольте: взаймы — я ни слова: я возьму.

Уж, пожалуста, и подносик вместе возьмите.

Ну, и подносик можно.

Так уж возьмите за одним разом и сахарцу.

О, нет: я взятков никаких...

Ваше высокоблагородие! Зачем вы не берете? Возьмите! В дороге всё пригодится. Давай сюда головы и кулек! Подавай всё! Всё пойдет в прок. Что там? Веревочка? Давай и веревочку! И веревочка в дороге пригодится: тележка обломается или что другое — подвязать можно.

Так уж сделайте такую милость, ваше сиятельство. Если уже вы, то есть, не поможете в нашей просьбе, то уж не знаем, как и быть: просто хоть в петлю полезай.

Непременно, непременно. Я постараюсь.

Кто там? А, что ты, матушка?

Милости твоей, отец, прошу! повели, государь, выслушать.

Пропустить её.

Милости прошу!

Милости прошу...

Да что вы за женщины?

Унтер-офицерская жена Иванова.

Слесарша, здешняя мещанка: Февронья Петрова Пашлепкина, отец мой...

Стой, говори прежде одна. Что тебе нужно?

Милости прошу: на городничего челом бью! Пошли ему бог всякое зло, чтоб ни детям его, ни

ему, мошеннику, ни дядьям, ни теткам его, ни в чем никакого прибытку не было.

А что?

Да мужу-то моему приказал забрить лоб в солдаты, и очередь-то на нас не припадала, мошенник такой! да и по закону нельзя: он женатый.

Как же он мог это сделать?

Сделал, мошенник, сделал: побей бог его и на том и на этом свете! чтобы ему, если и тетка есть, то и тетке всякая пакость, и отец, если жив у него, то чтоб и он, каналья, околел или поперхнулся навеки, мошенник такой. Следовало взять сына портного, он же и пьянюшка был, да родители богатый подарок дали, так он и присыкнулся к сыну купчихи Пантелеевой, а Пантелеева тоже подослала к супруге полотна три штуки; так он ко мне: На что, говорит, «тебе муж, он уж тебе не годится». Да я-то знаю: годится или не годится; это мое дело, мошенник такой. «Он», говорит, «вор: хоть он теперь и не украл, да всё равно», говорит, «он украдет, его и без того на

следующий год возьмут в рекруты». Да мне-то каково без мужа, мошенник такой! я слабый человек, подлец ты такой! чтоб всей родне твоей не довелось видеть света божьего, и если есть теща, то чтоб и теще...

Хорошо, хорошо. Ну, а ты?

Не позабудь, отец наш! Будь милостив!

На городничего, батюшка, пришла...

Ну, да что, зачем? Говори в коротких словах.

Высек, батюшка.

Как?

По ошибке, отец мой. Бабы-то наши задрались на рынке, а полиция не подоспела, да и схвати меня. Да так отрапортовали: два дни сидеть не могла.

Так что ж теперь делать?

Да делать-то, конечно, нечего. А за ошибку-то повели ему заплатить штраф. Мне от своего счастья неча отказываться, а деньга бы мне теперь очень пригодилась.

Хорошо, хорошо! Ступайте, ступайте. Я распоряжусь.

Да кто там еще? Не хочу, не хочу! Не нужно, не нужно! Надоели, чорт возьми! Не впускай, Осип!

Пошли, пошли! Не время, завтра приходите!

Пошел, пошел! Чего лезешь?

Ах!

Отчего вы так испугались, сударыня?

Нет, я не испугалась.

Помилуйте, сударыня, мне очень приятно, что вы меня приняли за такого человека, который... Осмелюсь ли спросить вас: куда вы намерены были идти?

Право, я никуда не шла.

Отчего же, например, вы никуда не шли?

Я думала, не здесь ли маминька...

Нет, мне хотелось бы знать, отчего вы никуда не шли?

Я вам помешала. Вы занимались важными делами.

А ваши глаза лучше, нежели важные дела... Вы никак не можете мне помешать; никаким образом не можете; напротив того, вы можете принести удовольствие.

Вы говорите по-столичному.

Для такой прекрасной особы, как вы. Осмелюсь ли быть так счастлив, чтобы предложить вам стул? Но нет, вам должно не стул, а трон.

Право, я не знаю... мне так нужно было идти.

Какой у вас прекрасный платочек!

Вы насмешники, лишь бы только посмеяться над провинциальными.

Как бы я желал, сударыня, быть вашим платочком, чтобы обнимать вашу лилейную шейку.

Я совсем не понимаю, о чем вы говорите: какой-то платочек... сегодня какая странная

погода.

А ваши губки, сударыня, лучше, нежели всякая погода.

Вы всё эдакое говорите... Я бы вас попросила, чтоб вы мне написали лучше на память какие-нибудь стишки в альбом. Вы, верно, их знаете много.

Для вас, сударыня, всё, что хотите. Требуйте, какие стихи вам?

Какие-нибудь эдакие — хорошие, новые.

Да что стихи! Я много их знаю.

Ну скажите же, какие же вы мне напишете?

Да к чему же говорить, я и без того их знаю.

Я очень люблю их...

Да у меня много их всяких. Ну, пожалуй, я вам хоть это: «О, ты, что в горести напрасно на бога ропщешь, человек...» Ну и другие... теперь не могу припомнить, впрочем это всё ничего. Я вам лучше вместо этого представлю мою любовь, которая от вашего взгляда...

Любовь! Я не понимаю любовь... я никогда и не знала, что за любовь...

Отчего ж вы отдвигаете свой стул? Нам лучше будет сидеть близко друг к другу.

Для чего ж близко; всё равно и далеко.

Отчего ж далеко; всё равно и близко.

Да к чему ж это?

Да ведь это вам кажется только, что близко, а вы вообразите себе, что далеко. — Как бы я был счастлив, сударыня, если б мог прижать вас в свои объятия.

Что это там, как будто бы полетело? Сорока или какая другая птица?

Это сорока.

Нет, это уж слишком... Наглость такая!..

Простите, сударыня: я это сделал от любви, точно от любви.

Вы почитаете меня за такую провинциалку!

Из любви, право из любви. Я так только пошутил, Марья Антоновна, не сердитесь! Я готов на коленках у вас просить прощения. Простите же, простите. Вы видите, я на коленях.

Ах, какой пассаж!

А, чорт возьми!

Это что значит, сударыня, это что за поступки такие?

Я, маминька...

Поди прочь отсюда! слышишь, прочь, прочь! и не смей показываться на глаза.

Извините, я, признаюсь, приведена в такое изумление...

А она тоже очень аппетитна, очень недурна. Сударыня, вы видите, я сгораю от любви.

Как, вы на коленях! Ах, встаньте, встаньте, здесь пол совсем нечист.

Нет, на коленях, непременно на коленях, я хочу знать, что такое мне суждено: жизнь или смерть.

Но позвольте, я еще не понимаю вполне значения слов. Если не ошибаюсь, вы делаете декларацию насчет моей дочери.

Нет, я влюблен в вас. Жизнь моя на волоске. Если вы не увенчаете постоянную любовь мою, то я недостоин земного существования. С пламенем в груди прошу руки вашей.

Но позвольте заметить: я в некотором роде... я замужем.

Это ничего. Для любви нет различия, и Карамзин сказал: «Законы осуждают». Мы удалимся под сень струй. Руки вашей, руки прошу.

Маминька, папинька сказал, чтобы вы... Ах, какой пассаж!

Ну что ты? к чему? зачем? Что за ветренность такая! Вдруг вбежала, как угорелая кошка. Ну что ты нашла такого удивительного! ну что тебе вздумалось? Право, как дитя какое-нибудь трехлетнее. Не похоже, не похоже, совершенно не похоже на то, чтобы ей было восемнадцать лет. Я

не знаю, когда ты будешь благоразумнее, когда ты будешь вести себя, как прилично благовоспитанной девице. Когда ты будешь знать, что такое хорошие правила и солидность в поступках.

Я, право, маминька, не знала...

У тебя вечно какой-то сквозной ветер разгуливает в голове; ты берешь пример с дочерей Ляпкина-Тяпкина. Что тебе глядеть на них, не нужно тебе глядеть на них. Тебе есть примеры другие: перед тобою мать твоя. Вот каким примерам ты должна следовать.

Анна Андреевна, не противьтесь нашему благополучию, благословите постоянную любовь!

Так вы в нее?..

Решите: жизнь или смерть?

Ну вот видишь, дура, ну вот видишь, из-за тебя, эдакой дряни, гость изволил стоять на коленях; а ты вдруг вбежала, как сумасшедшая.

Ну вот, право, стоит, чтобы я нарочно отказала: ты недостойна такого счастья.

Не буду, маминька; право, вперед не буду.

Ваше превосходительство! Не погубите! Не погубите!

Что с вами?

Там купцы жаловались вашему превосходительству. Честью уверяю, и на половину нет того, что они говорят. Они сами обманывают и обмеривают народ. Унтер-офицерша налгала вам, будто бы я ее высек; она врет, ей богу врет. Она сама себя высекла.

Провались унтер офицерша. Мне не до нее!

Не верьте, не верьте! это такие лгуны... им вот эдакой ребенок не поверит. Они уж и по всему городу известны за лгунов. А насчет мошенничества осмелюсь доложить: это такие мошенники, каких свет не производил.

Знаешь ли ты, какой чести удостоивает нас Иван Александрович? Он просит руки нашей дочери.

Куда! куда!.. Ряхнулась, матушка! Не извольте гневаться, ваше превосходительство, она немного с придурью, такова же была и мать ее.

Да. Я точно прошу руки. Я влюблен.

Не могу верить, ваше превосходительство.

Да когда говорят тебе?

Я не шутя вам говорю... Я могу от любви свихнуть с ума.

Не смею верить, недостойн такой чести.

Да. Если вы не согласитесь отдать руки Марьи Антоновны, то я чорт знает что готов.

Не могу верить: извольте шутить, ваше превосходительство.

Ах, какой чурбан, в самом деле! ну, когда тебе толкуют.

Не могу верить.

Отдайте, отдайте — я отчаянный человек, я решусь на всё: когда застрелюсь, вас под суд отдадут.

Ах, боже мой! Я ей-ей не виноват ни душою, ни телом. Не извольте гневаться! Извольте поступать так, как вашей милости угодно! У меня, право, в голове теперь... я и сам не знаю, что делается. Такой дурак теперь сделался, каким еще никогда не бывал.

Ну, благословляй!

Да благословит бог, я не виноват.

Что за чорт! В самом деле! Целуются. Ах, батюшки, целуются! Точный жених! Ай Антон! Ай Антон! Ай городничий! Вона как дело-то пошло!

Лошади готовы.

А, хорошо... я сейчас.

Как-с, изволите ехать?

Да, еду.

А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть насчет, кажется, свадьбы.

На одну минуту только... на один день к дяде — богатый старик, а завтра же и назад.

Не смеем никак удерживать в надежде благополучного возвращения...

Как же, как же, я вдруг. Прощайте, любовь моя... нет, просто не могу выразить. Прощайте, душенька!

Да не нужно ли вам в дорогу чего-нибудь; вы изволили, кажется, нуждаться в деньгах?

О нет, к чему это? А впрочем, пожалуй.

Сколько угодно вам?

Да вот тогда вы дали двести, то есть не двести, а четыреста; я не хочу воспользоваться вашею ошибкою — так, пожалуй, и теперь столько же, чтобы уже ровно было восемьсот.

Сейчас! еще, как нарочно, самыми новенькими бумажками.

А, да. Это хорошо. Ведь это, говорят, новое счастье, когда новенькими бумажками.

Так точно-с.

Прощайте, Антон Антонович! Очень обязан за ваше гостеприимство; мне нигде не было такого

хорошего приема. Прощайте, Анна Андреевна, прощайте, моя душенька, Марья Антоновна.

Прощайте, ангел души моей, Марья Антоновна.

Как же это вы? Прямо так на перекладной и едете?

Да, я привык уж так. У меня голова болит от рессор.

Тпр...

Так по крайней мере чем-нибудь застлать; хотя бы ковриком. Не прикажете ли, я велю подать коврик?

Нет, зачем? это пустое; а впрочем, пожалуй, пусть дают коврик.

Эй, Авдотья! Ступай в кладовую: вынь ковер, самый лучший, что по голубому полю, персидской, скорей!

Тпр...

Когда же прикажете ожидать вас?

Завтра или послезавтра.

А, это ковер? Давай его сюда, клади вот так!
Теперь давай-ко с этой стороны сена.

Тпр.

Вот с этой стороны! Сюда! Еще! Хорошо.
Славно будет! Теперь садитесь, ваше благородие!

Прощайте, Антон Антонович.

Прощайте, ваше превосходительство.

Прощайте, Иван Александрович!

Прощайте, маминька!

Эй, вы, залетные!

Глава 5

Что, Анна Андреевна? а? Думала ли ты что-нибудь об этом? Экой богатый приз, канальство! Ну, признайся откровенно: тебе и во сне не виделось: просто из какой-нибудь городничихи и вдруг, фу ты, канальство, с каким дьяволом породнилась!

Совсем нет; я давно это знала. Это тебе в диковинку, потому что ты простой человек; никогда не видел порядочных людей.

Я сам, матушка, порядочный человек. Однако ж, право, как подумаешь, Анна Андреевна: какие мы с тобою теперь птицы сделались! А, Анна Андреевна? высокого полета, чорт побери! Постой же, теперь же я задам перцу всем этим охотникам подавать просьбы и доносы. Эй, кто там? А, это ты, Иван Карпович; призови-ко сюда, брат, купцов. Вот я их, каналов! Так жаловаться на меня! Вишь ты, проклятый иудейский народ. Постойте ж, голубчики! прежде я вас кормил до усов только, а теперь накормлю до бороды. Запиши всех, кто только ходил бить челом на меня, и вот этих больше всего писак, писак, которые закручивали им просьбы. Да объяви всем, чтобы знали: что вот, дискать, какую честь бог послал городничему, что выдает дочь свою не то, чтобы за какого-нибудь простого человека, а за такого, что и на свете еще не было, что может всё сделать, всё, всё, всё! Всем объяви, чтобы все знали. Кричи во весь народ, валяй в колокола,

чорт возьми! Уж когда торжество, так торжество. Так вот как, Анна Андреевна, а? Как же мы теперь, где будем жить? здесь или в Питере?

Натурально, в Петербурге. Как можно здесь оставаться!

Ну, в Питере, так в Питере; а оно хорошо бы и здесь. Что, ведь я думаю, уже городничество тогда к чорту, а, Анна Андреевна?

Натурально, что за городничество!

Ведь оно, как ты думаешь, Анна Андреевна, теперь можно большой чин зашибить, потому что он запанибрата со всеми министрами и во дворец ездит; так поэтому может такое производство сделать, что со временем и в генералы влезешь. Как ты думаешь, Анна Андреевна: можно влезть в генералы?

Еще бы! конечно, можно.

А, чорт возьми, славно быть генералом! Кавалерию повесят тебе через плечо. А какую кавалерию лучше, Анна Андреевна? Красную или голубую?

Уж конечно голубую лучше.

Э? вишь чего захотела! Хорошо и красную. Ведь почему хочется быть генералом? Потому, что случится, поедешь куда-нибудь — фельдъегеря и адъютанты поскачут везде вперед: лошадей! И там на станциях никому не дадут, всё дожидается: все эти титулярные, капитаны, городничие, а ты себе и в ус не дуешь: обедаешь где-нибудь у губернатора, а там: стой, городничий! Хе, хе, хе , вот что, канальство, заманчиво!

Тебе всё такое грубое нравится. Ты должен помнить, что жизнь нужно совсем переменить, что твои знакомые будут не то что какой-нибудь судья-собачник, с которым ты едешь травить зайцев, или Земляника; напротив, знакомые твои будут с самым тонким обращением: графы и все светские... только я, право, боюсь за тебя: ты иногда вымолвишь такое словцо, какого в хорошем обществе никогда не услышишь.

Что ж? ведь слово не вредит.

Да хорошо, когда ты был городничим. А там ведь жизнь совершенно другая.

Да; там, говорят, есть две рыбицы: ряпушка и корюшка, такие, что только слюнка потечет, как начнешь есть.

Ему всё бы только рыбки! Я не иначе хочу, чтоб наш дом был первый в столице, и чтоб у меня в комнате такое было амбре, чтоб нельзя было войти и нужно бы только этак зажмурить глаза. Ах! Как хорошо!

А! Здорово, соколики!

Здоровья желаем, батюшка!

Что, голубчики, как поживаете? как товар идет ваш? Что, самоварники, аршинники, жаловаться? Архиплуты, протобестии, надувайлы мирские! жаловаться? Что? Много взяли? Вот, думают, так в тюрьму его и засадят!.. Знаете ли вы, семь чертей и одна ведьма вам в зубы, что...

Ах, боже мой, какие ты, Антоша, слова произносишь!

А, не до слов теперь! Знаете ли, что тот самый чиновник, которому вы жаловались, теперь женится на моей дочери? Что? А? Что теперь скажете? Теперь я вас... у!.. обманываете народ... Сделаешь подряд с казною, на сто тысяч надуешь ее, поставивши гнилого сукна, да потом пожертвуешь двадцать аршин, да и давай тебе еще награду за это? Да если б знали, так бы тебе... И брюхо сует вперед: он купец, его не тронь; мы, говорит, и дворянам не уступим. Да, дворянин... ах ты, рожа! дворянин учится наукам: его хоть и секут в школе, да за дело, чтоб он знал полезное. А ты что? начинаешь плутнями, тебя хозяин бьет за то, что не умеешь обманывать. Еще мальчишка, отче наша не знаешь, а уж обмериваешь, а как разодмет тебе брюхо, да набьешь себе карман, так и заважничал! Фу ты, какая невидаль! От того, что ты шестнадцать самоваров выдуешь в день, так от того и важничаешь? Да я плевать на твою голову и на твою важность!

Виноваты, Антон Антонович!

Жаловаться? А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал дерева на двадцать тысяч, тогда как его и на сто рублей не было? Я помог тебе, козлиная борода! Ты позабыл это. Я, показавши это на тебя, мог бы тебя также спровадить в Сибирь. — Что скажешь? а?

Богу виноваты, Антон Антонович. Лукавый попутал. И закаемся вперед жаловаться. Уж какое хошь удовлетворение, не гневись только!

Не гневись! Вот ты теперь валяешься у ног моих. Отчего? От того, что мое взяло, а будь хоть немножко на твоей стороне, так ты бы меня, каналья, втопал в самую грязь, еще бы и бревном сверху навалил.

Не погуби, Антон Антонович!

Не погуби! теперь: не погуби! А прежде что? Я бы вас... Ну, да бог простит! Полно! Я не памятозлобен; только теперь смотри, держи ухо востро! Я выдаю дочку не за какого-нибудь простого дворянина. Чтоб поздравление было... понимаешь? Не то чтоб отбояриться каким-

нибудь балычком или головою сахару... ну, ступай с богом.

Верить ли слухам, Антон Антонович? к вам привалило необыкновенное счастье.

Имею честь поздравить с необыкновенным счастьем. Я душевно обрадовался, когда услышал. Анна Андреевна! Марья Антоновна!

Антон Антоновича поздравляю, да продлит бог жизнь вашу и новой четы и даст вам потомство многочисленное, внучат и правнучат, Анна Андреевна! Марья Антоновна!

Имею честь поздравить Антона Антоновича! Анна Андреевна! Марья Антоновна

Душевно поздравляю вас, Анна Андреевна, с новым счастьем.

Имею честь поздравить, Анна Андреевна! Марья Антоновна! Имею честь поздравить.

Имею честь поздравить.

Антон Антонович! Имею честь поздравить.

С благополучным происшествием!

Анна Андреевна!

Анна Андреевна!

Марья Антоновна! честь имею поздравить. Вы будете в большом, большом счастье, в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать, очень забавно будете проводить время.

Марья Антоновна, имею честь поздравить! Дай бог вам всякого богатства, червонцев и сынка-с эдакого маленького, вон ентакого-с, чтоб можно было на ладоньку посадить. Да-с: всё будет мальчишка кричать: уа! уа! уа!

Имею честь...

Поздравляю вас, Анна Андреевна! А я так, право, обрадовалась; говорят мне: Анна Андреевна выдает дочку. — Ах, боже мой! думаю себе, и так обрадовалась, что говорю мужу: послушай, Луканчик: вот какое счастье Анне Андреевне! ну, думаю себе, слава богу, и говорю ему: я так восхищена, что сгораю нетерпением изъяснить лично Анне Андреевне... Ах, боже мой, думаю себе: Анна Андреевна именно ожидала

хорошей партии для своей дочери, а вот теперь такая судьба: именно так сделалось, как она хотела, и так, право, обрадовалась, что не могла говорить. Плачу, плачу, вот просто рыдаю. Уже Лука Лукич говорит: отчего ты, Настинька, рыдаешь? Луканчик, говорю, я и сама не знаю, слезы так вот рекой и льются.

Покорнейше прошу садиться, господа. Эй, Мишка, принеси сюда побольше стульев.

Имею честь поздравить вас, ваше высокоблагородие, и пожелать благоденствия на многие лета.

Спасибо, спасибо! Прошу садиться, господа!

Но скажите, пожалуйста, Антон Антонович, каким образом всё это началось: постепенный ход всего дела.

Ход дела чрезвычайный: изволил собственноручно сделать предложение.

Очень почтительным и самым тонким образом. Всё чрезвычайно хорошо говорил; говорит: «Я, Анна Андреевна, из одного только

уважения к вашим достоинствам...» И такой прекрасный, воспитанный человек, самых благороднейших правил. «Мне, верите ли, Анна Андреевна, мне жизнь копейка; я только потому, что уважаю ваши редкие качества».

Ах, маминька! ведь это он мне говорил.

Перестань, ты ничего не знаешь, и не в свое дело не мешайся! «Я, Анна Андреевна, изумляюсь...» В таких лестных рассыпался словах... и когда я хотела сказать: мы никак не смеем надеяться на такую честь, он вдруг упал на колени и таким самым благороднейшим образом: «Анна Андреевна! не сделайте меня несчастнейшим! согласитесь отвечать моим чувствам, не то я смертью окончу жизнь свою».

Право, маминька, он обо мне это говорил.

Да, конечно... и об тебе было, я ничего этого не отвергаю.

И так даже напугал; говорил, что застрелится. Застрелюсь, застрелюсь, говорит.

Скажите пожалуйста!

Экая штука!

Вот подлинно, судьба уж так вела.

Не судьба, батюшка, судьба индейка; заслуги привели к тому. Этакой свинье лезет всегда в рот счастье.

Я, пожалуй, Антон Антонович, продам вам того кобелька, которого торговали.

Нет: мне теперь не до кобельков.

Ну, не хотите, на другой собаке сойдемся.

Ах, как, Анна Андреевна, я рада вашему счастью! Вы не можете себе представить.

Где ж теперь, позвольте узнать, находится именитый гость? Я слышал, что он уехал зачем-то.

Да, он отправился на один день, по весьма важному делу.

К своему дяде, чтоб испросить благословения.

Испросить благословения; но завтра же... Много благодарен! но завтра же и назад...

Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Сто лет и куль червонцев!

Продли бог на сорок сороков!

Чтоб ты пропал!

Чорт тебя побери!

Покорнейше благодарю! И вам того ж желаю.

Мы теперь в Петербурге намерены жить. А здесь, признаюсь, такой воздух... деревенский уж слишком!.. признаюсь, большая неприятность... Вот и муж мой... он там получит генеральский чин.

Да, признаюсь, господа, я, чорт возьми, очень хочу быть генералом.

И дай бог получить.

От человека невозможно; а от бога всё возможно.

Большому кораблю большое плаванье.

По заслугам и честь.

Вот выкинет штуку, когда в самом деле сделается генералом! Вот уж кому пристало генеральство, как корове седло! Ну, брат, нет, до этого еще далека песня. Тут и почище тебя есть, а до сих пор еще не генералы.

Эка, чорт возьми, уж и в генералы лезет. Чего доброго, может и будет генералом. Ведь у него важности, лукавый не взял бы его, довольно. Тогда, Антон Антонович, и нас не позабудьте.

И если что случится: например, какая-нибудь надобность по делам, не оставьте покровительством.

В следующем году повезу сынка в столицу на пользу государства, так сделайте милость, окажите ему вашу протекцию, заступите сиротке место отца.

Я готов с своей стороны, готов стараться.

Ты, Антоша, всегда готов обещать. Во-первых, тебе не будет времени думать об этом. И как можно, и с какой стати себя обременять такими обещаниями?

Почему ж, душа моя: иногда можно.

Можно, конечно, да ведь не всякой же мелузге оказывать покровительство.

Вы слышали, как она трактует нас?

Да, она такова всегда была; я её знаю: посади её за стол, она и ноги свои...

Удивительное дело, господа! Чиновник, которого мы приняли за ревизора, был не ревизор.

Как не ревизор?

Совсем не ревизор, я узнал это из письма.

Что вы? что вы? из какого письма?

Да из собственного его письма. Приносят ко мне на почту письмо. Взглянул на адрес, вижу: в Почтамтскую улицу. Я так и обомлел. Ну, думаю себе, верно нашел беспорядки по почтовой части и уведомляет начальство. Взял да и распечатал.

Как же вы?..

Сам не знаю: неестественная сила побудила. Призвал было уже курьера с тем, чтобы

отправить его с эстафетой, — но любопытство такое одолело, какого еще никогда не чувствовал. Не могу, не могу, слышу, что не могу, тянет, так вот и тянет. В одном ухе так вот и слышу: ей, не распечатывай, пропадешь, как курица; а в другом словно бес какой шепчет: распечатай, распечатай! распечатай! И как придавил сургуч — по жилам огонь, а распечатал — мороз, ей богу мороз. И руки дрожат, и всё помутилось.

Да как же вы осмелились распечатать письмо такой уполномоченной особы?

В том-то и штука, что он и не уполномоченный и не особа!

Что ж он, по-вашему, такое?

Ни сё, ни то; чорт знает что такое.

Как ни сё, ни то? Как вы смеее назвать его ни тем, ни сем, да еще и чорт знает чем? Я вас под арест...

Кто? Вы?

Да, я.

Коротки руки.

Знаете ли, что он женится на моей дочери, что я сам буду вельможа, что я в самую Сибирь законопачу.

Эх, Антон Антонович! что Сибирь? Далеко Сибирь. Вот лучше я вам прочту. Господа! Позвольте прочитать письмо?

Читайте, читайте!

«Спешу уведомить тебя, душа Тряпичкин, какие со мной чудеса. На дороге обчистил меня кругом пехотный капитан, так что трактирщик хотел уже было посадить в тюрьму, как вдруг по моей петербургской физиономии и по костюму весь город принял меня за генерал-губернатора. И я теперь живу у городничего, жуирую, волочусь напропало за его женой и дочкой; не решился только, с которой начать, думаю, прежде с матушки, потому что, кажется, готова сейчас на все услуги... Помнишь, как мы с тобой бедствовали, обедали на широмыжку и как один раз, было, кандитор схватил меня за воротник по поводу съеденных пирожков на счет доходов

аглицкого короля; теперь совсем другой оборот. Все мне дают займы сколько угодно. Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер. Ты, я знаю, пишешь статейки: помести их в свою литературу. Во-первых: городничий — глуп, как сивый мерин...»

Не может быть! Там нет этого.

Читайте сами!

«Как сивый мерин». Не может быть, вы это сами написали.

Как же бы я стал писать?

Читайте!

Читайте.

«Городничий глуп, как сивый мерин...»

О, черт возьми! Нужно еще повторять! Как будто оно там и без того не стоит.

Хм... хм... хм... хм... «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Нет, читайте!

Да к чему ж?..

Нет, чорт возьми, когда уж читать, так читать!
Читайте всё!

Позвольте, я прочитаю. «Почтмейстер точь в точь департаментский сторож Михеев; должно быть, также, подлец, пьет горькую».

Ну, скверный мальчишка, которого надо высесть: больше ничего!

«Надзиратель над богоугодным заведе... и... и... и...»

А что ж вы остановились?

Да нечеткое перо... впрочем, видно, что негодяй.

Дайте мне! Вот у меня, я думаю, получше глаза.

Нет, это место можно пропустить, а там дальше разборчиво.

Да, позвольте, уж я знаю.

Прочитать я и сам прочитаю, далее, право, всё разборчиво.

Нет, всё читайте! Ведь прежде всё читано.

Отдайте, Артемий Филипович! Отдайте письмо. Читайте!

Сейчас. Вот позвольте... вот отсюда читайте.

Читайте! Читайте! Вздор, всё читайте!

«Надзиратель за богоугодным заведением Земляника: совершенная свинья в ермолке».

И не остроумно! Свинья в ермолке! Где ж свинья бывает в ермолке?

«Смотритель училищ протухнул насквозь луком».

Ей богу, и в рот никогда не брал луку.

Слава богу, хоть по крайней мере обо мне нет.

«Судья...»

Вот тебе на! Господа, я думаю, что письмо длинно. Да и чорт ли в нем: дрянь этакую читать.

Нет!

Нет, читайте!

Нет, уж читайте!

«Судья Ляпкин-Тяпкин в сильнейшей степени моветон...» должно быть французское слово.

А чорт его знает, что оно значит! Еще хорошо, если только мошенник, а может быть и того еще хуже.

«А впрочем, народ гостеприимный и добродушный. Прощай, душа Тряпичкин. Я сам, по примеру твоему, хочу заняться литературой. Скучно, брат, так жить, хочешь наконец пищи для души. Вижу: точно, нужно чем-нибудь высоким заняться. Пиши ко мне в Саратовскую губернию, а оттуда в деревню Подкатиловку. Его благородию, милостивому государю, Ивану Васильевичу Тряпичкину, в Санкт-Петербурге, в Почтамтскую улицу, в доме под номером девяносто седьмым, поворотя на двор, в третьем этаже направо».

Какой репримант неожиданный!

Вот когда зарезал, так зарезал! Убит, убит, совсем убит! Ничего не вижу. Вижу какие-то свиные рылы, вместо лиц; а больше ничего... Воротить, воротить его!

Куды воротить! Я, как нарочно, приказал зрителю дать самую лучшую тройку; чорт угораздил дать и вперед предписание.

Вот уж точно, вот беспримерная конфузия!

Однако ж, чорт возьми, господа! Он у меня взял триста рублей взаймы.

У меня тоже триста рублей.

Ох! И у меня триста рублей.

У нас с Петром Ивановичем шестьдесят пять-с на ассигнации-с. Да-с.

Как же это, господа? как это, в самом деле, мы так оплошали.

Как я? Нет, как я, старый дурак! Выжил, глупый баран, из ума!.. Тридцать лет живу на службе; ни один купец, ни подрядчик не мог провести; мошенников над мошенниками обманывал, пройдох и плутов таких, что весь свет готовы обворовать, поддевал на уд; трех губернаторов обманул!.. что губернаторов! нечего и говорить про губернаторов...

Но это не может быть, Антоша: он обручился с Машенькой...

Обручился! кукиш с маслом — вот тебе обручился! Лезет мне в глаза с обручением!.. Вот смотрите, смотрите, весь мир, всё христианство, все смотрите, как одурачен городничий! Дурака ему, дурака, старому подлецу! Эх ты, толстоносый! Сосульку, тряпку принял за важного человека! Вон он теперь по всей дороге заливаает, колокольчиком! Разнесет по всему свету историю; мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопёр, бумагомарака, в комедию тебя вставит. Вот что обидно: чина, званья не пощадит, и будут все скалить зубы и бить в ладоши. Чему смеетесь? над собою смеетесь!.. Эх вы!.. Я бы всех этих бумагомарак! У! Щелкопёры, либералы проклятые! Чортово семя! Узлом бы вас всех завязал, в муку бы стер вас всех, да чорту в подкладку! В шапку туды ему!.. До сих пор не могу придти в себя. Вот подлинно если бог хочет наказать, так отнимет прежде разум. Ну, что было в этом вертопрахе похожего на ревизора? Ничего не было. Вот просто ни на

полмизинца не было похожего — и вдруг все: Ревизор! Ревизор! Ну, кто первый выпустил, что он ревизор? Отвечайте.

Уж как это случилось, хоть убей, не могу объяснить. Точно туман какой-то ошеломил, чорт попутал.

Да кто выпустил, вот кто выпустил: эти молодцы!

Ей-ей, не я, и не думал...

Я ничего, совсем ничего...

Конечно, вы!

Разумеется. Прибежали, как сумасшедшие из трактира: «Приехал, приехал и денег не плотит...» Нашли важную птицу!

Натурально, вы! Сплетники городские, лгуны проклятые!

Чтоб вас чорт побрал с вашим ревизором и рассказами.

Только рыскаете по городу, да смущаете всех, трещотки проклятые, сплетни сеете, сороки

короткохвостые.

Пачкуны проклятые!

Колпаки!

Сморчки короткобрюхие!

Ей богу, это не я, это Петр Иванович

Э, нет, Петр Иванович, вы ведь первые того...

А вот и нет; первые-то были вы.

Приехавший по именному повелению из Петербурга чиновник требует вас сей же час к себе. Он остановился в гостиннице.

Общественное достояние. Источник текста: Викитека
(ru.wikisource.org).